

**ЧЕЛОВЕК И ПРАВО -
XXI ВЕК**

**AN INDIVIDUAL AND THE LAW -
XXI CENTURY**

Альманах
Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution
Альманах

Выходит 4 раза в год

2023

Выпуск 4

Issue 4

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: <http://www.csgya.pf/gu/xxi-vek>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы-корректоры: *Н.С. Добротворская, Е.А. Фешина, М.П. Яковлева*
Компьютерная верстка, дизайн обложки *О.А. Фальян*

Подписано в печать 30.12.2023. Дата выхода в свет 15.01.2024. Формат 70x100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 950 экз. Заказ № 5.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, старший преподаватель.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гулягин А.Ю. прокурор Тамбовской области, д.ю.н.;

Гончаров М.В. проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, к.ю.н.;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абанина Е.Н. заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;

Акимова М.А. председатель четвертого судебного состава Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;

Ананьева А.А. заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н.;

Амирбеков К.И. заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Афанасьев С.Ф. директор Института правотворчества и правового прогнозирования, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Балашова Е.Ю. профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;

Блинов А.Г. заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Богачева Е.А. доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, к.п.н.;

- Боярская Ю.Н.** доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;
- Варыгин А.Н.** заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Воротников А.А.** профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ворошилова С.В.** профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Залужный А.Г.** профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д.ю.н., профессор, старший советник юстиции;
- Заметина Т.В.** заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Исаенкова О.В.** заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ковалева Н.Н.** руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;
- Комбарова Е.В.** доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;
- Коновалов И.Н.** профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, д.и.н., профессор;
- Лопашенко Н.А.** профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
- Манова Н.С.** заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Покачалова Е.В.** заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Пырков И.В.** профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;
- Соловых С.Ж.** заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Титов А.А.** советник РНКБ Банка (ПАО), помощник члена Общественной палаты РФ, к.ю.н.;
- Шапиро Л.Г.** заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

- «УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНОЛОГИЯ:
ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ»**
- 7** Блинов А.Г.
Современная антиэкстремистская
политика государства
и ее реализация в субъектах
Российской Федерации
- 12** Бытко С.Ю.
Бюрократия как объект
криминологического исследования
- 19** Кобзева Е.В.
Роль социального воспитания
в предупреждении негативного
девиантного поведения подростков
- 27** Комягин Р.А., Леонов Н.В.
Длящееся преступление:
проблемы определения понятия
и момента окончания
- 34** Кушхов А.А.
Зарубежный опыт обеспечения
безопасности электронной
информации уголовно-правовыми
средствами на примере Франции
- 42** Лапунин М.М., Лапунина Е.В.
О необходимости
уголовно-правовой охраны
научных достижений
в области сельского хозяйства
- 49** Насиров Н.И.
Институты преступления
и наказания: турецкая
уголовно-правовая модель
- 55** Пономаренко Е.В., Богачева В.П.
Уголовное законодательство
Российской Федерации
в условиях развития
инновационных технологий
- 61** Севостьянов Р.А.
Методика профилактической
работы с несовершеннолетними:
принципы и формы
- ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРОКУРОРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
- 65** Богатова Е.В.
К вопросу о расширении
координационной функции
органов прокуратуры
- 69** Варыгин А.Н.
Профилактическая функция
органов прокуратуры:
есть ли она?
- 75** Грачёва О.А., Лиходаев Е.Г.
Направления деятельности
российской прокуратуры
по предупреждению
коррупционной преступности
- СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**
- 81** Пенжалиев З.Г.
Взаимодействие
гражданского общества
и российской армии: некоторые
конституционно-правовые
и политические проблемы
- 86** Швецова И.В.
О классификации
бюджетного кредита

**СОВРЕМЕННЫЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

- 94** Александрова Т.А.
Основные аспекты
межкультурного взаимодействия
при переводе юридических текстов
- 99** Богачева Е.А.
Основные принципы
перекрестного допроса
в англоязычном судебном
субдискурсе

**Взгляд
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

- 106** Мальцева Л.К.
К вопросу разграничения
полномочий органов
государственной власти
субъекта Российской Федерации
в сфере образования
и органов прокуратуры
Российской Федерации
при проверке законодательства
об образовании

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

А.Г. Блинов,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

СОВРЕМЕННАЯ АНТИЭКСТРЕМИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К сегодняшнему дню наша страна добилась заметных результатов в противодействии преступности. Ее показатели за последние десять лет снизились на 14,57 %. Прогресс в охране интересов личности, общества и государства от общественно опасных посягательств стал возможным благодаря принимаемым законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти мерам по противодействию девиантному поведению. В частности, для удержания граждан от общественно опасных действий (актов бездействия) сформирована основательная юридическая платформа. На ее основе регулярно проводятся профилактические мероприятия, нацеленные на укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и консолидацию гражданского общества. Предпринятые усилия свидетельствуют о смещении фокуса внимания государства с разбора последствий совершения общественно опасных и иных вредоносных деяний на их предупреждение.

Одновременно на фоне снижения общего уровня криминальной активности граждан наблюдается негативная динамика в показателях некоторых ее разновидностей. К числу последних относится преступность, порождаемая распространением в социуме экстре-

мистской идеологии. По данным МВД России, в 2020 г. на территории нашей страны правоохранительные органы зарегистрировали 833 преступления экстремистской направленности. В 2022 г. их количество увеличилось до 1 566 единиц [1]. За два календарных года рост составил 87,99 %. Если в 2020 г. в совершении таких преступлений участвовали 822 человека, то в 2022 г. их число составило 1 514. Количественные показатели выросли на 84,18 %.

В 2022 г. криминально настроенные лица чаще всего привлекались к уголовной ответственности за совершение общественно опасных действий, внешне выразившихся:

- в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) – 276 человек;
- в организации экстремистского сообщества и деятельности экстремистской организации (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ) – 239 человек;
- в возбуждении ненависти либо вражды, а равно в унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) – 42 человека;
- в реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ) – 28 человек;
- в оскорблении религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ) – 11 человек.

Крайне негативные тенденции продолжают демонстрировать качественные показатели отклоняюще-

гося поведения, мотивированного радикальными политическими, национальными или религиозными воззрениями. Так, если в 2020 г. при наличии рецидива в совершении преступлений, предусмотренных разными частями ст. 282.2 УК РФ, приняли участие четыре человека, то в 2022 г. их число выросло до 31 единицы [2]. Рецидивная преступность возросла более чем в семь раз.

Приведенные цифры демонстрируют ограниченную эффективность уголовно-правового воздействия на лиц, придерживающихся экстремистских взглядов.

Заметный рост в динамике преступлений экстремистской направленности наблюдается не только на федеральном уровне, но и на территориях большинства субъектов РФ. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 г. их количество в Приволжском федеральном округе по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 40,17 %. Лидирующие позиции по указанному показателю занимают Саратовская область (36 преступлений), Самарская область (31 преступление), Пермский край (24 преступления) [3].

Чаще всего органы охраны правопорядка выявляли факты публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ),

возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе (ст. 282 УК РФ). Важно подчеркнуть, что решающая роль в противодействии идеологии экстремизма принадлежит не столько правоохранительной системе, сколько консолидированным усилиям органов государственной власти и институтов гражданского общества по нейтрализации причин ее формирования и распространения. Правоохранительные органы по роду своей деятельности призваны обеспечивать безопасность населения от угроз, исходящих со стороны носителей радикального

мировоззрения. Ключевым компонентом противодействия явлениям экстремистского характера остается профилактика поражения общественного сознания идеями, провоцирующими нетерпимость к тем или иным социальным группам.

В числе основных причин роста преступлений экстремистской направленности по-прежнему остается деструктивная деятельность некоторых иностранных организаций и подконтрольных им российских объединений. Под видом гуманитарных, образовательных, культурных и религиозных проектов они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения установок, проти-

воречащих традициям, убеждениям и верованиям народов РФ. Так, в начале февраля 2022 г. Волжский районный суд г. Саратова вынес приговор в отношении семерых участников местной ячейки признанного экстремистским религиозного объединения «Таблиги Джамаат», запрещенного в нашей стране. Подсудимые осуществляли религиозно-проповеднические поездки по территории Саратовской области и вовлекали представителей мусульманского сообщества в экстремистскую деятельность. Организаторы ячейки координировали выезд своих сторонников в Индию, Бангладеш и Пакистан для прохождения теологического обучения в центрах экстремистского объединения. Суд квалифицировал их действия по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (участие в деятельности экстремистской организации) и назначил наказание в виде лишения свободы сроками от двух до трех лет в зависимости от степени участия в преступлении [4].

Деструктивное воздействие иностранных и международных организаций на сознание и волю отдельных групп населения приобретает особую актуальность при наличии внутренних условий, провоцирующих девиантные наклонности в социуме. К внутригосударственным факторам распространения крайних взглядов относятся межэтнические, межкон-

фессиональные и иные социальные противоречия, которые могут привести к радикализации деятельности религиозных и неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц.

Противоречия и конфликты свойственны любому обществу. Недружественные страны пытаются использовать их для разрушения внутреннего единства РФ, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола общества. Предупреждая эскалации насилия, органы государственной власти и местного самоуправления должны своевременно купировать причины возникновения конфликтных ситуаций в социуме. В противном случае нарастает негативная реакция населения, которая может вылиться в экстремистские проявления. Последние способны подорвать межнациональное и межконфессиональное согласие, дестабилизировать внутрисполитическую и социальную обстановку в государстве, поставить под угрозу единство и территориальную целостность РФ.

Исходя из конституционной модели распределения полномочий между органами власти РФ и ее субъектов, охрана интересов личности, общества и государства от общественно опасных посягательств входит в компетенцию федеральных органов государственной вла-

сти. Одновременно приоритет в профилактике рассматриваемого негативного явления принадлежит региональному уровню, «где совместными усилиями представителей государственной и муниципальной власти, а также представителей гражданского сообщества осуществляется профилактика экстремистских проявлений среди различных групп населения» [5]. Учитывая региональную и национально-конфессиональную специфику, на местах удобнее контролировать перемену в настроениях людей. Действенным инструментом в рамках проводимой политики может стать механизм поощрения граждан, которые популяризируют антиэкстремистские идеи, направляют средства и усилия на борьбу с деструктивными

проявлениями. Показательным является пример награждения губернатором Брянской области медалью «За отвагу» десятилетнего мальчика, спасшего 2 марта 2023 г. двух девочек-первоклашек от расправы нацистов [6].

Таким образом, проводимая государством антиэкстремистская политика становится эффективной тогда, когда наблюдается слаженная работа органов власти федерального, регионального и местного уровней при активной поддержке большинства институтов гражданского общества. При этом акцент делается не на принудительный ресурс административного и уголовного законодательства, а на меры просветительского и поощрительного характера.

Библиографический список

1. Статистика и аналитика // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.11.2023).
3. Преступность в регионах // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 25.11.2023).
4. Суд в Саратове признал виновными семерых участников ячейки экстремистского объединения // ТАСС – российское государственное федеральное информационное агентство. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/13586057> (дата обращения: 25.11.2023).
5. Суслонов П.Е. Критерии оценки эффективности государственной политики в сфере профилактики экстремизма в субъекте Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 10. С. 1–5.
6. Брянский губернатор наградил мальчика, спасшего детей при атаке украинских диверсантов // ТАСС – российское государственное федеральное информационное агентство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17508337> (дата обращения: 27.11.2023).

С.Ю. Бытко,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной
юридической академии

БЮРОКРАТИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бюрократический аппарат является неотъемлемой и важной частью государства, осуществляя задачи реализации управленческих решений, т.е. по точной, не искаженной собственными представлениями, их передаче от вышестоящих органов власти к объектам управленческого воздействия (какими бы они ни были). Кроме того, поскольку управление – процесс двусторонний, функция бюрократического аппарата состоит в передаче объективной информации о состоянии управляемой системы от нижестоящих звеньев управления к вышестоящим.

Основная идея бюрократической организации, по всей видимости, должна состоять в принесении максимальной пользы обществу. М. Вебер, рассматривающий бюрократию именно с позиций принесения максимальной пользы обществу, говорил в этой связи о «рациональной бюрократии». Современный исследователь В.Э. Смирнов вычленяет следующие функциональные особенности (признаки) рациональной бюрократии по М. Веберу: 1) бюрократы подчиняются только объективным служебным обязанностям; 2) они назначаются на службу в рамках бюрократической иерархии; 3) имеют постоянные служебные компетенции; 4) работают по контракту, на основе отбора согласно профессиональной квалификации; 5) получают заработную плату за свой труд; 6) считают свою службу единственной или главной профессией; 7) двигаются по карьерной лестнице; 8) отчуждены от должности и связанных с ней средств управления, т.е. они не принадлежат чиновнику и чиновник пользуется этими средствами исключительно во время службы и в рамках служебных компетенций [1].

М.В. Масловский приводит следующие признаки идеального бюрократического управления, которые вычленил в своих работах М. Вебер: документальная оформленность бюрократически-монократического управления, точность, стабильность, дисциплина, четкость, надежность, формальная универсальная применимость ко всем задачам, чисто техническая оптимальность [2].

Если бы в России удалось сформировать идеальный управленческий аппарат, соответствующий всем перечисленным выше требованиям, осуществляющий свои полномочия, по словам М. Вебера, *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия) [3], то эту статью можно было бы на этом и закончить, а все преступления, совершаемые представителями бюрократии, такие, например, как взяточничество, превышение должностных полномочий и им подобные, списывать на досадные сбои в системе отбора кадров и ослабление контроля за подчиненными со стороны вышестоящих руководителей.

Однако есть веские основания полагать, что причины перечисленных и им подобных преступлений носят системный характер. Р. Мертон, анализируя деятельность бюрократического аппарата, указывает на ряд его особенностей, приводящих к бюрократической дисфунк-

ции: строгое следование правилам, превращающее правила в самоцель; появление у бюрократии собственных групповых интересов, конфликтующих с интересами организаций, политику которых они должны проводить; игнорирование частных случаев и особенностей, сугубо формальный подход, вследствие чего бюрократия все чаще не реализует свою функцию по существу [4, с. 131–142].

Бюрократическая дисфункция или, иначе говоря, бюрократизация, возрастание роли бюрократических процедур в деятельности различных организаций, несомненно, негативно влияют на ситуацию в самых различных областях, ухудшая управляемость и снижая качество деятельности учреждений, ставших ее жертвой. С криминологической точки зрения особый интерес представляет негативное влияние бюрократических процессов на эффективность деятельности правоохранительных органов, в частности, отмечается рост непрофильной нагрузки, связанной с отчетностью, перепиской с вышестоящими органами [5], некомплектom личного состава в подразделениях, непосредственно обеспечивающих законность и правопорядок, несоблюдением различных правил и норм организации труда сотрудников, приводящих к систематическим переработкам и психологическому выгоранию и т.д. [6]

Указанные последствия оказывают негативное влияние на состояние предупредительной деятельности органов внутренних дел. В криминологии исследование криминогенного влияния бюрократизации (бюрократической дисфункции) ограничено, пожалуй, лишь сферой коррупционных преступлений [7], что совершенно не отражает ни масштаба, ни качества, ни системности анализируемого деяния.

Типичным признаком бюрократического управления является отчужденность бюрократа от результатов управленческой деятельности, что, по мысли М. Вебера, должно исключать личную корыстную заинтересованность бюрократа и связанные с нею криминогенные последствия. С такой отчужденностью тесно связано такое явление, как исполнительская дисциплина, при которой бюрократ, в первую очередь, заинтересован в исполнении инструкции (под которой мы здесь понимаем любое распоряжение, указание, приказ и т.п.), а не в фактических последствиях ее исполнения, даже если это вредит интересам общества.

На практике это приводит к ситуациям, когда буквальное исполнение приказа или распоряжения может нанести вред управляемой системе и государству в целом, однако чиновник, который на месте должен реализовать распоряже-

ние, твердо знает, что ответственность за неисполнение приказа будет возложена на него, в то время как ответственность за возможный ущерб будет (возможно) нести вышестоящий руководитель. Характерный пример приводит заместитель начальника Главного управления Росгвардии по ДНР (ранее с 2014 г. – командир батальона народного ополчения ДНР). Как пишет А.С. Ходаковский, в Республике за многие годы постоянных артиллерийских обстрелов сложилась практика рассредотачивания казенных транспортных средств, при которой разрешалось держать их даже в частных домах водителей. Это позволяло минимизировать возможные потери автотранспорта и исключить поражение одним снарядом нескольких локально размещенных автомашин. С изменением системы управления ситуация изменилась и решением московского чиновника практика рассредоточения была волевым образом прекращена. Сам А.С. Ходаковский приводит следующую фразу чиновника: «...вы видели, чтобы кого-нибудь посадили за двадцать уничтоженных машин? Нет, потому что все было по инструкции! А вас накажут за ее нарушение...» [8].

Аналогичную ситуацию описывает основатель сети DNS Д. Алексеев: чиновник, например, во Владивостоке, обязан организовать

ремонт дороги с заменой бордюров, даже если последние находятся в отличном состоянии. Резонно было бы сэкономить, не заменяя их, а экономию направить на решение важных социальных вопросов. Но в подобном случае чиновнику угрожает ответственность за нецелевое расходование денежных средств [9].

Приведенные примеры достаточно типичны для бюрократического способа управления и интересны тем, что являются отличной иллюстрацией механизма принятия управленческих решений в случае противоречия между требованиями, связанными с исполнением инструкции, и возможным причинением вреда общественным интересам вследствие исполнения этой самой инструкции.

В связи с этим возникает ряд любопытных последствий этического характера. Поскольку, как мы показали выше, отчужденность от результатов управленческой деятельности и исполнительская дисциплина, подталкивающие управленческого работника в подобных ситуациях к исполнению инструкции, могут приводить к внутреннему конфликту между собственной гражданской позицией и обязанностью исполнить распоряжение. В советский период такой конфликт часто становился центральным элементом художественных произве-

дений, в которых главный герой, понимая ошибочность управленческого решения, проявляет инициативу и начинает ей противодействовать, претерпевая различные невзгоды и лишения. В настоящее время, констатируем, такая проблема не поднимается в искусстве. В ходе проведенного нами опроса сотрудников органов следствия и дознания большая часть опрошенных сообщили, что в отношении них применялись меры непроцессуального давления со стороны вышестоящих руководителей в связи с расследуемыми ими делами с целью принуждения их к изменению позиции. При этом все, кто заявил, что от них требовали определенных действий в рамках расследования, подчинились [10].

Сказанное, к слову, совершенно не свидетельствует о распространности подобных проявлений, и этот вопрос не выступал предметом исследования. Однако приведенные данные – доказательство выдвинутого выше тезиса о том, что противоречие между инструкцией и общественной пользой системно разрешается в пользу инструкции, даже если речь идет о чувствительных, с точки зрения закона, последствиях.

Другой важный вывод состоит в том, что сохранение своего места в управленческой системе с гарантированным социальным обеспе-

чением, достаточно высокой заработной платой и прочими благами может занимать значимое место в системе приоритетов современного чиновника, что предполагает также и возможную готовность к совершению правонарушений для его сохранения.

Указанный вывод находит подтверждение в исследовании, проведенном Р.Г. Искалиевым, изучавшим мотивацию лиц, допустивших налоговые преступления. Автор установил, что во многих случаях встроенность в систему управления в системе ценностей стоит выше соблюдения закона [11].

Бюрократическая система вырабатывает собственные методы управления, которые способны выступать в качестве криминогенных факторов. Так, в настоящее время широкое распространение получила оценка деятельности подчиненных организаций на основании критериев эффективности – определенных численных показателей или их совокупности, которые интерпретируются как свидетельства эффективности деятельности управляемых объектов. В этой связи отметим несколько проблем криминологического характера.

Прежде всего то, что значения числовых показателей не тождественны фактическому состоянию управляемого объекта или достижению целей управляющей системы.

Например, количество оправдательных приговоров может быть показателем качества работы следователей, надзирающих прокуроров. Однако оправдательный приговор может быть и результатом иных факторов, например, появления в ходе судебного разбирательства новых данных, отказа свидетелей от своих показаний и проч. Однако формальная оценка лишь по числовым показателям игнорирует данные обстоятельства. Возникает новое последствие, состоящее в том, что управляемая система старается максимизировать показатели оценки любыми способами. Выше мы ссылались на проведенный опрос сотрудников следователей, дознавателей и прокурорских работников. Было установлено, что абсолютизирование числовых показателей приводит к нежеланию возбуждать уголовные дела в ситуациях, когда судебная перспектива неясна, существует недостаток доказательств и т.п.

Таким образом, бескомпромиссная оценка деятельности управляемых организаций только на основании количественных показателей способна существенно деформировать их деятельность. С большой уверенностью можно говорить и о том, что она подвергает эрозии состояние законности на управляемых объектах. И, наконец, важным свойством подобной оценки является то, что система ее показа-

телей может неожиданно для подчиненных организаций изменяться, а ее интерпретация осуществляется произвольно. Таким образом, бюрократический аппарат может произвольно менять управленческую политику, формально оставаясь в рамках действующего законодательства, но фактически – независимо от него.

Для управляющей системы такая ситуация весьма удобна, поскольку повышает общую управляемость системы и степень зависимости руководителей нижестоящих организаций от вышестоящих. Однако с криминологической точки зрения такая ситуация может свидетельствовать о возникновении предпосылок для формирования групповых интересов представителей бюрократии и создания условий для организованной преступной деятельности, например, коррупционной преступности, хищений на управляемых объектах и проч.

Библиографический список

1. *Смирнов В.Э.* Бюрократия и бюрократизация как социальное явление // Журнал Белорусского государственного университета // Социология. 2020. № 2. С. 61–71.
2. *Масловский М.В.* Политическая социология бюрократии / отв. ред. А. Согомонов. М., 1997. 211 с.
3. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. URL: <https://kant.narod.ru/weber.htm> (дата обращения: 03.12.2023).
4. *Мертон Р.* Бюрократическая структура и индивидуальность / Шафритц Дж., Хайд. А. Классики теории государственного управления: американская школа. М., 2003. 799 с.

Таким образом, процессы бюрократизации, т.е. повышения роли чисто бюрократических процедур в процессе управления, обладают следующим набором криминологически значимых характеристик:

- приоритет инструкции, даже если это противоречит общественным интересам;
- стремление сохранить служебное положение как ведущая детерминанта деятельности управленческого работника;
- возникновение групповых интересов, связанных с необходимостью достижения целевых показателей оценки эффективности и, как следствие, создание предпосылок для возникновения организованных форм совместной преступной деятельности.

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость системного изучения процессов бюрократизации системы управления как криминологически значимого фактора.

5. Чичерин Ю.С., Коваленко Л.Ю. К вопросу о документообороте в деятельности подразделений уголовного розыска МВД России (на примере УМВД России по Астраханской области) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39.

6. Тимко С.А. Факторы эмоционального выгорания сотрудника ОВД: результаты эмпирического исследования // Психологические и педагогические проблемы в профессиональной деятельности: традиции и тенденции: матер. всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2022. С. 54–58.

7. Богданов С.В., Ермолаев Д.В. Бюрократия и коррупция: отдельные аспекты воспроизводства должностной преступности в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 19–21.

8. Ходаковский А. Немного о разности мышления «местных» и «не местных». URL: https://t.me/aleksandr_skif/2904 (дата обращения: 25.11.2023).

9. Баянова Н. У нас практически безграничные возможности: основатель сети DNS о бизнесе, Чичваркине, Галицком и «черной дыре» в Москве. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/385821-u-nas-prakticheski-bezgranichnye-vozmozhnosti-osnovatel-seti-dns-o-biznese> (дата обращения: 25.11.2023).

10. Бытко С.Ю. Непроцессуальное воздействие на лиц, осуществляющих предварительное расследование, как одна из причин обвинительного уклона в правосудии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 32–36.

11. Искалиев Р.Г. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 198 с.

Е.В. Кобзева,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НЕГАТИВНОГО ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Современное общество характеризуется ростом числа отклонений социального, физического и психического развития подрастающего поколения. Пандемическая и постпандемическая тревога, человеческие и геополитические отголоски специальной военной операции на Украине, серьезные экономические проблемы, выражающиеся в снижении уровня жизни населения и продолжающемся расслоении общества, экологические катаклизмы, политический кризис и в целом напряженная социальная обстановка обуславливают такое внутреннее состояние человека, при котором неизбежно происходит переоценка ценностей. К сожалению, не всегда эта переоценка складывается в лучшую сторону. Многие люди начинают испытывать неуверенность в завтрашнем дне, довольствуясь удовлетворением сиюминутных потребностей, отказываясь от личностного роста и стремлений к позитивным изменениям в жизни, а в худшем варианте находя решение проблем в алкоголе или наркотиках, азартных, компьютерных или видеоиграх, прочих средствах создания иллюзорного лучшего мира.

Подобный настрой самым естественным образом сказывается на детях и часто имеет следствием негативное девиантное поведение подростков, крайней формой которого является совершение преступлений. Достаточно вспомнить трагическую историю, произошедшую 7 декабря 2023 г. в одной из брянских гимназий, когда 14-летняя девочка принесла в образовательное учреждение помповое ружье и произвела из него стрельбу по одноклассникам, в результате которой два человека, включая саму стрелявшую, по-

гибло, пять человек получили ранения разной степени тяжести [1].

Прежде чем перейти к раскрытию содержания заявленной темы, необходимо отметить, что использование терминов «девиация», «девиантное поведение» в научной литературе чаще всего связано с анализом дисфункциональных, дезорганизующих социальную систему примеров поведения, как-то: преступность, наркотизм, пьянство, лудомания, проституция, суицид, бродяжничество, агрессивность, расстройства сексуального предпочтения, буллинг и т.п. [2]. Негативный оттенок слово «девиантность» приобрело и в массовом сознании.

В то же время представляется более убедительной позиция ученых, полагающих, что девиации могут быть и позитивно направленными, поскольку служат развитию социальной системы, преодолению устаревших стандартов, повышению ее организованности (все виды художественного, технического, научного и иного социального творчества) [3]. В связи с этим важно подчеркнуть, что в настоящей работе речь будет идти именно о негативном девиантном поведении подростков и его предупреждении арсеналом средств социального воспитания.

Взрослые, прежде всего родители, зачастую игнорируют такие значимые для формирования личности ребенка моменты, как цель,

задачи, принципы и организация воспитания [4, с. 114]. Однако названные элементы воспитательного процесса должны буквально пронизывать взаимоотношения родителя с ребенком, наполнять общение с ним нравственной составляющей, выстраивать его взаимодействие со сверстниками и окружающей средой. Осознание ответственности за результаты развития ребенка требует перманентного участия родителей в его жизнедеятельности, формирования и укрепления доверия к себе с его стороны, чуткого внимания к его успехам и неудачам, коррекции его поведения последовательным применением мер поощрения и наказания.

Отсутствие подобной родительской включенности в жизнь ребенка, нередко обусловленное инфантильностью самого взрослого, незрелостью в нем родительского начала, низким уровнем педагогической культуры как части общей культуры личности [4, с. 115], может быть компенсировано искренними родительскими чувствами и собственным примером поведения. Признавая последний одним из лучших (по мнению А.С. Макаренко, решающих) способов воспитания, педагогическое сообщество единодушно отмечает, что ребенок воспитывается не только тогда, когда с ним разговаривают, но и когда он со стороны наблюдает то, как ро-

дители взаимодействуют с другими людьми, радуются, грустят, одеваются, готовятся к чему-то, читают и даже молчат [5, с. 56–57]. Сначала ребенок просто копирует действия взрослых [6, с. 63], а в дальнейшем знания, ценностные ориентации и навыки взаимодействия, полученные им в семье, проецируются на его отношения с социумом, в том числе на построенную уже им в будущем собственную семью [7, с. 97].

Создание благоприятной домашней атмосферы, проявление к ребенку безусловной любви, доброжелательности, заботы, других положительных эмоций, активный и здоровый образ жизни родителей, дружелюбное и корректное взаимодействие с другими людьми, эмоциональная отзывчивость на чужие проблемы, ответственное отношение самих взрослых к своим обязанностям и обязательствам свидетельствует о существовании в семье не всегда осознаваемого, но необходимого воспитательного воздействия. «Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!», – писал А.С. Макаренко [5, с. 57].

Напротив, исключенность родителей из процессов взросления и развития собственных детей, познания ими себя и мира, безразличие, неуважение, грубость, жестокость, се-

мейные раздоры и скандалы, пагубные пристрастия и иное асоциальное поведение приводят к таким неблагоприятным последствиям, как отчужденность ребенка от семьи, замкнутость, духовная опустошенность, повышенная тревожность, конфликтность, возникновение и усугубление проблемных ситуаций, самостоятельный поиск путей их решения и нахождение для этого не всегда правильных вариантов, низкий уровень притязаний и примитивность способов их удовлетворения.

Будучи институтом, в котором прежде всего осуществляется социализация ребенка, где он получает свой первый социальный опыт, семья «несет моральную и юридическую ответственность за формирование личности воспитуемого, его поведение и поступки» [6, с. 62]. Однако результаты социализации детей в семьях не всегда носят положительный характер. По данным ученых, значительное число семей в нашей стране (до 25 %) вообще не в состоянии позитивно социализировать детей, а многие семьи (до 15 %) формируют правонарушителей [8, с. 83]. Если практически любая семья пригодна для прохождения ребенком стихийной социализации, то воспитание как социально контролируемую социализацию способно обеспечить лишь относительно небольшое количество российских семей (по разным

данным, с достаточно серьезным разбросом, от 20 до 60 %) [7, с. 98].

Разумеется, социализация ребенка не ограничивается семьей, она продолжается многими другими социальными институтами и организациями – образовательными, культурными, спортивными, волонтерскими, политическими, конфессиональными, в том числе неформальными (просоциальными), количество и спектр которых по мере взросления и формирования самостоятельности ребенка, расширения его интересов и просторов жизнедеятельности становится больше и сложнее.

Однако следует понимать, что первична в этом процессе все же роль семьи. Сверхточно это было подмечено еще Ж.Ж. Руссо, который писал, что каждый последующий воспитатель оказывает на ребенка меньше влияния, чем предыдущий, и в этом смысле родители – самые предыдущие воспитатели ко всем последующим [9]. Здоровая в социальном плане семья всегда «на чеку», всегда готова и способна включиться в преодоление возникающих в ходе социализации ребенка трудностей, в том числе совместными усилиями с другими социальными (формальными и неформальными) институтами. Недостатки семейного воспитания, напротив, чаще всего имеют свое продолжение, выливаясь в проблемы взаимодействия социальных

институтов не только с самими детьми, но и с их родителями.

В Российском государстве огромная роль в воспитании детей отводится образовательным учреждениям: воспитание признано первостепенной, наряду с обучением, составляющей образовательного процесса. Особую значимость эта функция образовательных учреждений (детских садов, школ, интернатов, колледжей и др.) обретает сегодня, когда налицо снижение воспитательного потенциала семьи. В рамках своей воспитательной деятельности школы развивают личность ребенка, формируют в нем трудолюбие, ответственное отношение к труду и результатам труда, создают условия для его самоопределения и социализации в соответствии с социокультурными, духовно-нравственными ценностями и принятыми в обществе правилами и нормами поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формируют чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти и подвигам защитников и героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа России, природе и окружающей среде (п. 2 ст. 2 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [10]).

Решающим фактором, определяющим успех воспитательного процесса, является взаимодействие образовательного учреждения с семьей каждого конкретного обучающегося. По единодушному мнению специалистов, только двустороннее участие педагогов и родителей в воспитании ребенка позволит вырастить из него полноценного члена общества [11, с. 127–128; 12, с. 69]. Более того, тесное сотрудничество образовательного учреждения и семьи позволяет выявить склонность подростка к социально вредному или социально опасному поведению и своевременно принять меры по его предупреждению. Интересно в этой области исследование косовского ученого, пришедшего к выводу, что успешное сотрудничество школы и семьи способствует предотвращению насилия среди обучающихся [13].

Однако, к сожалению, в современных российских условиях подобное взаимодействие нередко либо отсутствует, либо носит уязвимый характер. Нельзя умолчать, что причиной тому иногда служит непрофессионализм администрации или педагогов образовательного учреждения: отрицание воспитательного начала в образовательном процессе и трактовка последнего лишь как обучающей деятельности; использование авторитарной риторики и менторского тона в об-

щении с родителями; применение властно-ультимативных форм воздействия на семью; отсутствие индивидуального подхода [12].

В части нейтрализации этой негативной практики государством уже предприняты действенные шаги: почти в каждой школе введены штатные единицы социального педагога и психолога, целенаправленно выстраивающих общение с ребенком и взаимодействие с его семьей; шаблонно-стереотипные методы работы с обучающимися и их родителями все больше переориентируются на индивидуальные; расширяется внедрение программ индивидуальных образовательных траекторий; и др.

Серьезной проблемой, значительно снижающей качество воспитательного процесса, продолжает оставаться неприемлемое поведение большого числа родителей, дети которых испытывают трудности социализации. При осуществлении воспитательной работы современные образовательные учреждения (детские сады, школы, интернаты) наделены полномочиями по выявлению неблагополучных семей с последующей организацией для них социальной помощи; привлечению к совместной работе с такими семьями сотрудников органов социальной защиты, органов опеки и попечительства, правоохранительных органов; обеспечению тесного взаимодей-

ствия психологов и родителей; организации досуга подростков; проведению совместных конкурсов детей и их родителей [11, с. 130–133; 14].

Эти направления деятельности становятся особенно актуальными, когда речь идет о так называемых трудных детях и семьях группы социального риска. Обнаружив недостатки семейного воспитания, образовательное учреждение более активно включается в социализацию таких детей, старается восполнить образовавшиеся в ней пробелы и изъяны, а главное, пытается вовлечь в соответствующий процесс родителей, ведь так или иначе без участия семьи не обойтись. Однако ответом на подобный социальный запрос образовательного учреждения зачастую становится тишина, свидетельствующая о полном безразличии родителя к ребенку и его будущему, либо конфликт со школой, выражающийся в одобрении родителем асоциального поведения ребенка, отторжении взвешенной и реалистичной позиции образовательного учреждения и формировании тем самым родительского псевдоавторитета.

В результате негативный опыт социализации ребенка в семье получает развитие и за ее пределами: воспитательный процесс образовательного учреждения терпит поражение, а ребенок, напротив, обретает уверенность в тех шагах, которые мешают его здоровой интеграции

в общество (пропуски занятий без уважительной причины, неуспеваемость, организация драк и потасовок, употребление спиртных напитков, неограниченное «пребывание» в гаджетах и т.п.).

Воспитательные промахи, допускаемые семьей, образовательными учреждениями и иными просоциальными институтами, становятся благодатной почвой для так называемых альтернативных (виртуальных) агентов социализации (онлайн-игр, чатов и блогов, интернет-мессенджеров, иных продуктов социальных сетей и сети Интернет в целом), а в худших случаях – для прямого влияния на ребенка со стороны диссоциальных институтов [8, с. 18, 20, 56, 67–70].

Наряду с социализацией детей и подростков, интернет-среда нередко несет опасность для их нравственного, психического и физического развития, о чем сами они, как правило, даже не догадываются. Это обусловлено прежде всего контентом отдельных интернет-ресурсов, причиняющим вред здоровью и (или) развитию детей, как то: побуждение к суицидальному поведению или совершению действий, представляющих угрозу для их жизни или здоровья; пропаганда потребления наркотиков, алкоголя, курения, проституции; сцены насилия и жестокости по отношению к людям и животным; оправдание противоправного

поведения; информация порнографического характера и др. [15]

За счет распространения в сети Интернет информации, опасность которой дети не в состоянии осознать, они нередко становятся либо инструментом («разменной монетой») в небезобидных или противозаконных действиях взрослых, либо потерпевшими от чьих-либо преступных действий: склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства, насильственных и ненасильственных половых преступлений, мошенничества, вымогательства, вовлечения в проституцию, незаконного оборота порнографических материалов и мн. др. [16, с. 125–126].

Колоссальное негативное влияние на результаты социализации ребенка, в дальнейшем подростка, способны оказать организации, осуществляющие диссоциальное воспитание: криминальные, квазирелигиозные (деструктивные секты), экстремистские, автократические и иные группы и сообщества [8, с. 67–70; 17; 18]. Пользуясь педагогической запущенностью и сложным психологическим состоянием подростка, указанные группы привлекают его возможностью самоут-

вердиться, проявить себя; получить признание, в котором ему было отказано в нормальном обществе; восполнить одиночество, ненужность, неудовлетворенность жизнью; или, напротив, вознаградить повышенные амбиции, которые не были своевременно направлены в позитивное русло. Распространенный итог участия подростка в контркультурных организациях – статус жертвы преступления либо преступника.

Итак, допущенные семьей и обществом (образовательными учреждениями, окружением, социальными сетями и пр.) бреши в социализации подростка становятся факторами риска, препятствующими успешному формированию его личности, здоровой интеграции в общество, и требуют принятия профилактических и реабилитационных мер. Игнорирование этих факторов увеличивает вероятность саморазрушительного поведения подростка (суицидального, виктимного, рискованного, аутического, фанатического, зависимого от потребления пищи и психоактивных веществ и др.), совершения им безнравственных, аморальных поступков либо противоправных, в том числе преступных, деяний.

Библиографический список

1. Михеева Н. Что известно о стрельбе в гимназии в Брянске // ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19476371?tm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 07.12.2023).

2. *Рождественская Н.А.* Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков: учебное пособие. М., 2015. 212 с.
3. *Гилинский Я.* Творчество – норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 41–49.
4. *Мазалова М.А.* Факторы эффективности семейного воспитания // Инновации в науке. 2016. № 10(59). С. 113–116.
5. *Макаренко А.С.* О воспитании в семье: избр. пед. произведения / сост. И.С. Петрухин; под общ. науч. ред. Е.Н. Медынского. М., 1955. 320 с.
6. *Плотникова Е.А.* К вопросу о проблемах семейного воспитания // Наука и образование: матер. VII междунар. науч.-практ. конф. (Таганрог, 18 ноября 2016 г.). М.: Перо, 2016. С. 62–66.
7. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2007. 224 с.
8. Социальная педагогика: позитивные и негативные характеристики микросоциума: курс лекций / [Е.А. Никитская и др.]. М., 2020. 282 с.
9. *Руссо Ж.Ж.* Эмиль, или О воспитании (1568) // Книги онлайн. URL: https://www.mnogobook.ru/proza-main/klassicheskaya_proza/148349/fulltext.htm (дата обращения: 10.11.2023).
10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 19 октября 2023 г., № 503-ФЗ) // Рос. газ. 2012. 31 дек.
11. *Фахрадова Л.Н., Барсуков В.Н., Смолева Е.О. и др.* Профилактика и коррекция девиантного поведения несовершеннолетних на уровне образовательной организации // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 2. С. 123–136.
12. *Мешавкина Е.В.* Основные проблемы взаимодействия семьи и школы в современных условиях // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 10-5(66). С. 67–70.
13. *Mulliqi Sh.* Family and Educational Institution Cooperation in Violence Prevention Among Students of Kosovo (June 20, 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3631932> (access date: 02.10.2021).
14. *Дадова З.И.* Организация воспитательной работы с подростками с девиантным поведением // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2013. № 11. С. 49–52.
15. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изм. и доп. от 28 апреля 2023 г. № 178-ФЗ) // Рос. газ. 2010. 31 дек.
16. *Мазур А.А.* Актуальные вопросы предупреждения преступности в отношении детей и подростков в сети Интернет // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 4. С. 124–128.
17. *Яковлева М.Г.* Особенности юношеского возраста, опосредующие уход молодых людей в деструктивные секты // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 112–117.
18. *Беляев Г.Ю.* Неформалы – они тоже воспитатели // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 42–46.

Р.А. Комягин,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

Н.В. Леонов,

обучающийся 4-го курса
Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

ДЛЯЩЕЕСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ

Правильное понимание уголовно-правовой природы длящихся преступлений имеет основополагающее значение как для уголовного законодательства, так и практики его применения. Между тем в доктрине уголовного права отсутствует единство мнений при решении следующих вопросов:

- что представляет собой понятие длящегося преступления и каковы его признаки?
- какие конструкции состава преступления имеют длящиеся преступления?
- что является моментом окончания длящегося преступления?
- и многие другие.

Так, Н.Д. Дурманов охарактеризовал длящееся преступление как непрерывное осуществление, в течение известного отрезка времени, состава определенного преступления на стадии оконченного преступления [1, с. 221]. Иного мнения придерживался В.П. Малков, который определял длящееся преступление в качестве непрерывного, длящегося в течение определенного, иногда длительного, времени преступного действия (бездействия) [2, с. 447].

Схожее понятие предлагают К.В. Ображиев и Д.С. Чикин: «...сложное единичное преступление, характеризующееся непрерывным осуществлением юридически оконченного действия (бездействия), предусмотренного Особенной частью УК РФ» [3, с. 70–71].

Следует отметить, что общей чертой представленных определений выступает указание на длительный характер реализации преступного деяния или состава преступления.

А.Г. Кибальник и Л.В. Иногорова-Хегай придерживаются иного подхода, и при формулировании понятия длящегося преступления указывают на определенные обязанности, возложенные на лицо уголовным законом, которые нарушаются длительное время, в связи с совершением преступного деяния [4, с. 291; 5, с. 206].

Отличное от других определение, за основу которого взята субъективная сторона состава преступления, приводят А.П. Козлов и А.П. Севостьянов, длящееся преступление – это существующее непрерывно действие или бездействие, создающее опасное состояние при наличии общей цели и единого умысла. Цель обобщает всю совокупность актов или указывает на «скольжение» одного акта при совершении длящегося пре-

ступления [6, с. 50–51]. Указание на субъективную сторону при определении длящегося преступления является верным, поскольку позволяет учесть такие значимые признаки рассматриваемой категории, как общая цель и единый умысел.

Известный пример, приведенный В.П. Малковым, показывает, что в рамках ст. 222 УК РФ субъектом преступления возможно выполнение ряда тождественных действий: хранение, ношение, перевозка, а также приобретение огнестрельного оружия. Однако представленные деяния не будут квалифицироваться по совокупности преступлений, а являются единым сложным преступлением (длящимся), поскольку все деяния, входящие в объективную сторону, свидетельствуют о наличии у лица конкретизированной цели (продолжить хранение, облегчив изменениями эту возможность) [7, с. 115].

Таким образом, по нашему мнению, длящееся преступление – это сложное единичное преступление, характеризующееся непрерывным выполнением лицом тождественных и/или однородных действий (бездействия) в рамках объективной стороны определенного состава преступления, совершенных с общей целью и единым умыслом.

Представляется возможным выделить следующие признаки длящегося преступления:

1) причинение вреда одному объекту уголовно-правовой охраны;

2) непрерывность и длительный характер совершаемого преступного деяния и(или) наступления общественно опасных последствий;

3) совершаемое преступное деяние или ряд деяний охватываются объективной стороной одного состава преступления;

4) наличие общей цели или единого умысла на совершение преступного деяния.

Другим проблемным вопросом является определение момента начала и окончания длящихся преступлений. Устоявшейся считается позиция Пленума Верховного Суда СССР, согласно которой длящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действий самого виновного, направленных на прекращение преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти) [8].

При этом в науке уголовного права выделяют юридический и фактический момент окончания длящегося преступления.

Так, юридически окончанным длящееся преступление признается в момент, когда в деянии лица проявляются все признаки состава преступления. Например, незаконное хранение наркотических средств

и других предметов преступления (ст. 228 УК РФ) признается оконченным в момент начала обладания и владения указанными средствами. При этом время их нахождения у виновного лица не влияет на квалификацию деяния [9].

Фактическое окончание длящегося преступления, как пишет С.А. Силаев, необходимо разделить на два вида: действия и события. К действиям автор причисляет: правомерные действия виновного, предусмотренные специальным видом освобождения от уголовной ответственности; правомерные действия правоохранительных органов и потерпевшего; неправомерные действия виновного (продажа ранее похищенного в рабство и т.д.); неправомерные действия третьих лиц (например, хищение незаконно хранимого предмета). В качестве событий исследователем названы: утрата виновным признака субъекта преступления; утрата запрещенных к хранению предметов по не зависящим от чьей бы то ни было воли; декриминализация деяния государством; естественная смерть потерпевшего [10, с. 150].

Однако возникает вопрос, каким образом соотносятся юридический и фактический моменты окончания длящегося преступления?

Н.Ф. Кузнецова писала, что «...на стадии окончанного преступления длящееся преступление

продолжает совершаться, как бы растягивая во времени преступное последствие» [11, с. 304].

Критикуя представленную позицию, В.Г. Шумихин отмечает: «... неточно ... говорить о растягивании во времени преступных последствий, поскольку длящееся преступления имеют конструкцию формального состава преступления, не включающего преступные последствия» [12, с. 94].

На наш взгляд, фактический момент окончания длящегося преступления возможен только после наступления юридического момента его окончания.

Например, занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) признается юридически оконченным с момента признания авторитета, лидерства лица в преступном мире [13, с. 187]. Фактическое же окончание представленного преступления возможно путем совершения субъектом определенных действий или наступлением ряда событий, свидетельствующих об утрате лицом занимаемого положения.

С вопросом о фактическом окончании длящегося преступления тесно связана проблема временного прекращения субъектом преступления выполнения преступного деяния или совершения поочередно нескольких альтернативных действий, предусмотренных в рамках объек-

тивной стороны состава длящегося преступления.

Так, А.П. Козлов и А.П. Севостьянов пишут, что «... разрыв во времени между отдельными актами длящегося преступления не исключает его единичного характера и не превращает единичное преступление во множественное. ... Лишь возникновение новой подобной деятельности, после его завершения первой, приводит к созданию множественности преступлений» [6, с. 53].

В противовес этому мнению К.В. Ображиев и Д.С. Чикин утверждают, что «... разрывов во времени между несколькими деяниями, образующими длящееся преступление, невозможен, поскольку в противном случае оно утратит свою главную сущностную характеристику – длящийся характер» [3, с. 68].

Мы полагаем, что в ходе совершения длящегося преступления допустимо совершение виновным лицом альтернативных действий, равно как и их временное прекращение, т.е. наличие разрыва во времени между несколькими деяниями, при условии наличия всех признаков длящегося преступления, указанных выше по тексту.

Например, при склонении лица к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) субъект преступления может осуществить в различной последовательности ряд альтернативных действий, направ-

ленных на возбуждение у другого лица решимости покончить с собой.

Согласимся с А.П. Козловым и А.П. Севостьяновым в том, что при совершении длящегося преступления «... виновный осознает, что он находится в относительно длительном непрерывном противоречии с социальными нормами и постоянно нарушает общественные отношения» [6, с. 51].

Таким образом, юридический момент окончания длящегося преступления обусловлен законодательной конструкцией состава преступления и имеет первичный характер по отношению к фактическому моменту окончания, под которым следует понимать невозможность продолжения осуществления виновным лицом объективной стороны преступления ввиду совершенных действий или наступивших событий. В ходе совершения длящегося преступления также возможно выполнение нескольких преступных деяний, указанных в качестве альтернативных в рамках объективной стороны одного состава преступления, а равно временное прекращение преступного деяния, при условии наличия у виновного лица единой цели и единого умысла.

Заключительным вопросом, требующим разрешения, является наличие или отсутствие возможности признания длящимися преступлений, составы которых имеют

различную законодательную конструкцию. В теории уголовного права сложился общепринятый подход, согласно которому составы длящихся преступлений могут быть только формальными. Так, М.И. Блум указывала, что все длящиеся преступления по конструкции состава относятся к формальным составам преступлений, для наличия которых законодатель не предусмотрел признаков, характеризующих последствия преступления [14, с. 88].

Мы разделяем мнение о том, что большинство составов длящихся преступлений имеют формальную конструкцию. Однако возможно совершение длящегося преступления и применительно к материальному составу преступления.

Так, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 146 УК РФ, имеет материальную конструкцию и традиционно не относится к числу длящихся преступлений [15, с. 93]. Однако в ходе совершения указанного преступления, после причинения крупного ущерба правообладателю, виновное лицо может утратить возможность контроля за фактической реализацией предмета преступления. Как следствие, вред охраняемому растягивается во времени до тех пор, пока соответствующее произведение не будет изъято либо самим виновным лицом, либо по решению других лиц, обладающих таким правом.

Как верно отмечает Н. Ф. Кузнецова: «Ущерб, причиненный преступлением, однажды наступив, длится затем во времени и пространстве, пока не будет пресечен самим субъектом или по не зависящим от него обстоятельствам, при этом чем больше длится этот ущерб, тем он опаснее» [16, с. 76].

Основной тезис, опровергающий представленную позицию, выдвинул К. В. Ображиевым: «... хотя последствия преступления с материальным составом могут длиться достаточно долго ..., причинитель вреда уже лишен сознательно-волевого контроля за развитием объективной стороны преступления» [17, с. 450].

По нашему мнению, составы длящихся преступлений, по большей части, относятся к числу формальных. Однако в случаях, связанных с длительным характером наступления последствий в материальных составах преступлений, когда вред продолжает причиняться уже после наступления тех последствий, которые необходимы для признания преступления окончательным, последнее может быть признано длящимся.

Итог исследования может быть представлен следующими выводами:

1) длящееся преступление – это сложное единичное преступление, характеризующееся непрерывным выполнением лицом тождественных и/или однородных действий

(бездействия) в рамках объективной стороны определенного состава преступления, совершенных с общей целью и единым умыслом;

2) длящееся преступление имеет юридический и фактический моменты своего окончания. Юридический момент обусловлен законодательной конструкцией состава преступления и имеет первичный характер по отношению к фактическому моменту окончания, под которым следует понимать невозможность продолжения осуществления виновным лицом объективной стороны преступления ввиду совершенных действий или наступивших событий;

3) в ходе совершения длящегося преступления возможно выполнение нескольких преступных деяний, указанных в качестве альтернативных в рамках объективной стороны одного состава преступления, а равно временное прекращение преступного деяния, при условии наличия у виновного лица единой цели и единого умысла;

4) составы длящихся преступлений имеют формальную конструкцию. Однако в случаях, связанных с длительным характером наступления последствий в материальных составах преступлений, когда вред продолжает причиняться уже после наступления тех последствий, которые необходимы для признания преступления окончательным, последнее может быть признано длящимся.

Библиографический список

1. *Дурманов Н.Д.* Действие советского уголовного закона в пространстве // Советский уголовный закон: монография. М., 1967. 319 с.
2. *Малков В.П.* Множественность преступлений // Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1: Преступление и наказание. 1133 с.
3. *Ображиев К.В., Чикин Д.С.* Единичные преступления со сложными характеристиками, не зависящими от конструкции состава // Сложные единичные преступления: монография. М., 2016. 184 с.
4. *Иногамова-Хегай Л.В.* Множественность преступлений // Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. А.И. Коробеева. М., 2010.
5. *Кибальник А.Г.* Множественность преступлений // Уголовное право: в 2 т. Т. 1: учебник / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 5-е изд. М., 2023. 410 с.
6. *Козлов А.П., Севостьянов А.П.* Виды сложных единичных преступлений // Единичные и множественные преступления: монография. СПб., 2011. 915 с.
7. *Малков В.П.* Виды отдельного (единого) преступления // Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания): монография / под ред. Б.С. Волкова. Казань, 1974. 307 с.
8. Постановление 23 Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» (в ред. от 14 марта 1963 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.
10. *Силаев С.А.* К вопросу об окончании делящегося преступления // Российский юридический журнал. 2013. № 3(90). С. 146–153.
11. *Кузнецова Н.Ф.* Процесс квалификации преступлений // Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2007. 336 с.
12. *Шумихин В.Г.* Признаки делящегося преступления // Уголовное право. 2010. № 2. С. 94–96.
13. *Иногамова-Хегай Л.В.* Преступления против общественной безопасности // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд. М.: Инфра-М, 2023. 407 с.
14. *Блум М.И.* Применение советского уголовного закона к продолжаемым и делящимся преступлениям // Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969. 210 с.
15. *Кленова Т.В.* Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина // Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд. М., 2023. 407 с.
16. *Кузнецова Н.Ф.* Преступные последствия в сложных преступлениях // Избранные труды: сборник / под ред. В.Н. Кудрявцева. СПб., 2003. 1112 с.
17. *Ображиев К.В.* Юридическая природа и признаки делящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 4. С. 442–455.

А.А. Кушхов,

аспирант кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ

Во Франции в качестве обобщающего понятия для преступлений в сфере информационных технологий используется термин «киберпреступления» (соответственно, и «киберпреступность»). Несмотря на его широкое применение французскими юристами, этот термин недостаточно конкретизирован, отсутствует его законодательное определение. Хотя концепция киберпреступности не определена законом, согласно подсчетам Министерства юстиции Франции, в стране существует 475 видов правонарушений, связанных с информационными системами. В местной юридической доктрине под киберпреступностью понимается совершение уголовных преступлений против или с помощью информационно-коммуникационной системы, в основном Интернета, с использованием Сети или информационных систем в качестве средств или цели воздействия [1].

Таким образом, в определении статуса электронной информации французская доктрина делает акцент на два аспекта: 1) обеспечение безопасности самой такой информации; 2) исключение возможности использования позитивной или нейтральной электронной информации как инструмента причинения вреда. Вместе с тем, как будет показано далее, присутствует и третий аспект: обеспечение безопасности людей от деструктивного воздействия электронной информации, запрещенной к обороту. Особенно ярко последний момент проявляется в борьбе с порнографией в сетях онлайн-связи.

В целом терминология, используемая в регламентации ответственности за посягательства на электронную информацию, во Франции развита не слишком хорошо, существует много пробелов в толковании англицизмов, не переводимых в точности на французский язык. В частности, есть сложности в определении даже такого отправного понятия, как «электронные средства связи». Под ними могут пониматься и электронные каналы, и сети онлайн-связи с общественностью, что особенно удивительно, поскольку законодательство этой страны в части борьбы с киберпреступностью начало формироваться очень давно. Отправной точкой в этом вопросе принято считать принятие закона от 6 января 1978 г. «Об обработке данных, файлах данных и индивидуальных свободах» [2]. Десять лет спустя Закон Годфрена от 5 февраля 1988 г. «О компьютерном мошенничестве» [3] ввел санкции за удаление и изменение данных, а также за нарушение информационных систем [4]. С тех пор было принято множество законов, учитывающих многогранный характер киберпреступности, и их количество только растет. Среди них законы: от 21 июня 2004 г. «О доверии к цифровой экономике» [5], от 9 июля 2004 г. «Об электронных коммуникациях и услугах аудиовизуальной связи» [6], от 14 марта 2011 г. «Об ориентации и планиро-

вании для повышения эффективности в области внутренней безопасности» (закон LOPSI II). Последний закрепляет ответственность за присвоение личных данных [7]. Стоит упомянуть также закон от 13 ноября 2014 г., усиливающий борьбу с терроризмом и закрепляющий ответственность за кражу компьютерных данных [8].

Как уже было отмечено, во французском законодательстве выделяют очень много правонарушений, связанных с электронной информацией, компьютерными сетями. При этом данный перечень не статичен, пополняется с каждым годом. Обобщенно можно выделить восемь групп общественно опасных деяний, связанных с компьютерными технологиями.

1. Оборот незаконного контента в компьютерных сетях без ущерба для их целостности: распространение детской порнографии, призывы к ненависти или террористической деятельности, а также другие деяния, при которых Интернет используется в качестве средства распространения запрещенного контента.

В 2018 г. в рамках усиления борьбы с сексуальным и гендерным насилием в Уголовный кодекс введена новая статья 226-3-1, направленная на пресечение практики посягательства на личную жизнь человека: под страхом наказания запрещается снимать на видео или фотографиро-

вать без ведома человека интимные части его тела с целью дальнейшей трансляции изображения в Интернете. Наказание составляет два года лишения свободы и штраф в размере 30 000 евро за запись или передачу изображений.

Использование электронных коммуникационных сетей в качествеотягчающих обстоятельств часто упоминается в отношении половых преступлений (изнасилование, сексуальное насилие, покупка сексуальных услуг несовершеннолетнего или беспомощного лица, подкуп несовершеннолетних, сексуальные домогательства). В целом выделение использования виновным лицом информационно-телекоммуникационных сетей в качестве квалифицирующего признака характерно и для российского Уголовного кодекса.

В 2004–2007 гг. в ст. 227-23 Уголовного кодекса Франции были внесены поправки, направленные на усиление наказания за факты детской порнографии. В настоящее время эта статья предусматривает наказание в виде пяти лет лишения свободы и штрафа в размере 75 000 евро за запись или передачу порнографического изображения несовершеннолетнего для его распространения. Санкция увеличивается до семи лет лишения свободы и штрафа в размере 100 000 евро, если такое вещание осуществляет-

ся через сеть электронных коммуникаций.

Та же статья наказывает лишением свободы на два года и штрафом в размере 30 000 евро за просмотр изображений детской порнографии в Интернете или хранение этих изображений любыми средствами, например на жестком диске компьютера. В российском законодательстве уголовная ответственность за просмотр такого контента сегодня не установлена, хотя обсуждение этого вопроса ведется давно.

2. Так называемые общеуголовные преступления, но совершаемые в цифровом пространстве. Это работорговля, продажа оружия, наркотиков и т.д. При этом использование сети Интернет, как и в большинстве случаев по российскому законодательству, во Франции влечет ужесточение наказания. Незаконная продажа персональных данных может преследоваться по статье 321-1 Уголовного кодекса Франции (Code penal) 1992 г. (с изм. по сост. на 29 июля 2023 г.) [9].

3. Различные виды онлайн-мошенничества. Особенно стоит выделить новеллу французского законодателя – ст. 226-4-1 УК Франции, которая устанавливает ответственность за выдачу себя за третье лицо или использование одного или нескольких данных любого рода, позволяющих установить его личность с целью нарушить его спо-

койствие или спокойствие другого лица или нанести ущерб его чести или достоинству (наказывается лишением свободы сроком на один год и штрафом в размере 15 000 евро). Это правонарушение наказывается аналогично, если оно совершено в социальной сети в Интернете. На сегодняшний день в отечественном уголовном законе отсутствует аналогичная норма, которая бы устанавливала под страхом наказания запрет на подмену электронной информации о личности преступника, желающего причинить потерпевшему тот или иной вред.

4. Вымогательство и покушение на него, связанные с распространением компьютерных вирусов, взломом компьютерной аппаратуры жертвы и последующим требованием выкупа.

5. «Смешанные» преступления, в которых сочетаются компьютерные средства и уличная преступность. Например, взлом банкоматов. За последнее время количество взломов банкоматов во Франции существенно выросло [10].

6. Посягательства на работу компьютерных систем. Многие факты киберпреступности преследуются по закону на основании ст. 323-1 и последующих статей Уголовного кодекса Франции, касающихся нарушений систем автоматизированной обработки данных. Эти деяния криминализованы 35 лет назад,

но составы преступлений были сформулированы достаточно широко, чтобы их можно было применять до сих пор. Большинство составов преступлений, касающихся посягательств на работу компьютерных сетей, ныне собраны в гл. III УК Франции (ст. 323-1–323-8).

Статья 323-1 устанавливает ответственность за совершенные с помощью обмана доступ или сохранение у себя доступа ко всей или части автоматизированной системы обработки данных или их использование. В данной статье, как и в нескольких других нормах уголовного закона Франции, предусмотрен квалифицирующий признак: «если преступление совершено против государственной автоматизированной системы обработки персональных данных». В России ответственность за посягательства на критическую информационную инфраструктуру регламентируется ст. 274¹ УК РФ.

Статья 323-2 устанавливает запрет на нарушение или искажение работы автоматизированной системы обработки данных (наказывается лишением свободы на срок до пяти лет и штрафом в размере 150 000 евро).

Совершенные с использованием обмана введение данных в автоматизированную систему обработки, извлечение, хранение, воспроизведение, передача, удале-

ние или изменение содержащихся в ней данных обманным путем наказываются, согласно ст. 323-3, пятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 150 000 евро.

В 2004 г. были внесены изменения в законодательство, устанавливающие наказание за продажу оборудования или программного обеспечения для атаки на компьютерные системы. Статья 323-3-1 УК Франции запрещает создание без каких-либо законных оснований, включая проведение исследований или обеспечение компьютерной безопасности, импорт, владение, предложение, передачу или предоставление оборудования, инструмента, компьютерной программы или любых данных, разработанных или специально приспособленных для совершения преступлений. Содеянное карается тем наказанием, которое предусмотрено за наиболее тяжкое из планируемых преступлений.

7. Использование в преступных целях блокчейн-технологий и криптоактивов в экономике страны. Так, легализация имущества с помощью криптоактивов считается совершенной при отягчающих обстоятельствах – ст. 324-2 УК Франции.

8. В последние годы Франция активизировала борьбу с так называемыми фейковыми новостями [11]. Национальная ассамблея

Франции 20 ноября 2018 г. одобрила Закон против манипулирования информацией [12], который наделяет высший совет по телерадиовещанию во Франции особыми контролирующими полномочиями во время выборов. Устанавливаются повышенные санкции за нарушения в указанной сфере. Например, несоблюдение требования предоставлять достоверную информацию во время избирательной кампании теперь влечет тюремное заключение на один год и штраф в размере 75 000 евро. Телеканалы и радиостанции, распространяющие недостоверную информацию, могут быть отстранены от вещания на период ведения предвыборной кампании или лишены лицензии навсегда.

Особое внимание уделено иностранным СМИ. Некоторые французские правоведы полагают, что упомянутый закон направлен, среди прочего, против российских медиаресурсов в контексте так называемой информационной войны, ведущейся недружественными странами Запада против Российской Федерации [13]. В рамках этого же пакета изменений французского законодательства появилось определение понятия «фейк», под которым понимается «неточное или ложное утверждение и обвинение». Определяется «фейковость» новости решением судей, оно передается в высший совет по телерадиовещанию,

который и выносит окончательное решение.

В целом опыт французского законодателя показывает, что в этой стране за нарушение отношений в сфере информационных технологий установлены очень строгие санкции. Особенно это касается размеров штрафов (сотни тысяч евро).

Отдельно стоит обозначить довольно низкий уровень систематизации уголовно-правовых норм во Франции. Например, ст. 323-4 УК оговаривает правила ответственности при участии в организованной группе или сговоре с целью подготовки к одному или нескольким преступным деяниям в сфере информационных технологий.

Согласно ст. 323-5, виновные в совершении преступлений лица подвергаются дополнительным наказаниям. Статья 323-6 определяет особенности ответственности юридических лиц за посягательства в киберпространстве. Статья 323-7 содержит правило, согласно которому покушение на совершение преступлений, предусмотренных в ст. 323-1–323-3-1, наказывается так же, как и основное преступление.

Перечисленные статьи показывают, что уровень законодательной техники в УК Франции не слишком высок – подобные положения логично размещать в Общей части уголовного закона.

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Французское уголовное законодательство содержит большой перечень общественно опасных посягательств в сфере информационных технологий. Абсолютное большинство из них признаются преступными и на территории РФ. Отдельно понятие «электронная информация» в УК Франции не выделяется: в целом в законодательстве этой страны терминология, связанная с компьютерными технологиями, слабо систематизирована.

Упомянутое учеными число – 475 видов преступлений – обусловлено прежде всего тем, что несколько норм французского права говорят об одном и том же деянии, но в разных стадиях (приготовление, покушение), о разных формах соучастия и т.д. Это свидетельствует о не слишком высоком уровне систематизации уголовно-правовых норм во Франции.

Вместе с тем в российском УК отсутствует норма, запрещающая под страхом наказания выдавать себя за третье лицо в компьютерных сетях с целью нарушить спокойствие другого лица, нанести ущерб его чести или достоинству (ст. 226-4-1 УК Франции). С учетом распространения сбора персональных данных в преступных целях в современном мире, возможно, ис-

пользование подобного законодательского опыта имело бы перспективы для российского уголовного права.

Следует обратить внимание на максимально строгий подход французского законодателя к совершению онлайн-преступлений против половой свободы и половой

неприкосновенности.

Используя французский опыт, нужно пересмотреть в отечественном уголовном законе размеры штрафов за посягательства на электронную информацию в сторону их увеличения.

Библиографический список

1. *Перейра Б.* Борьба с киберпреступностью: от избытка стандарта до его совершенства // *Международный журнал экономического права*. 2016. № 3. Т. XXX. С. 387–409. URL: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-droit-economique-2016-3-page-387.htm> (дата обращения: 11.11.2023).

2. Loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006095896> (дата обращения: 11.11.2023).

3. Loi n° 88-19 du 5 janvier 1988 relative à la fraude informatique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000875419> (дата обращения: 11.11.2023).

4. Articles 323-1 et suivants du Code pénal.

5. Loi n° 2004-575 du 21 juin 2004 pour la confiance dans l'économie numérique (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000801164/> (дата обращения: 11.11.2023).

6. Loi n° 2004-669 du 9 juillet 2004 relative aux communications électroniques et aux services de communication audiovisuelle. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000439399/> (дата обращения: 11.11.2023).

7. Article 226-4-1 du Code pénal; LOI n° 2011-267 du 14 mars 2011 d'orientation et de programmation pour la performance de la sécurité intérieure (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000023707312> (дата обращения: 11.11.2023).

8. LOI n° 2014-1353 du 13 novembre 2014 renforçant les dispositions relatives à la lutte contre le terrorisme (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000029754374/> (дата обращения: 11.11.2023).

9. См.: Code penal on July 22, 1992. Dernière mise à jour des données de ce code: 29 juillet 2023. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 11.11.2023).

10. *Жуассен С., Биго Ж.* Киберпреступность: вызов, который необходимо решить на национальном и европейском уровнях: информационный отчет от имени комиссии Сената по конституционным законам, законодательству, всеобщему избирательному праву, регламенту и общему управлению и комиссии по европейским делам по борьбе с киберпреступностью // 9 juillet 2020: Cybercriminalité:

un défi à relever aux niveaux national et européen rapport d'information. URL: http://www.senat.fr/rap/r19-613/r19-613_mono.html (дата обращения: 11.11.2023).

11. *Войтович А.* Франция решила объявить войну фейковым новостям. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43342599> (дата обращения: 11.11.2023).

12. LOI n° 2018–1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037847559> (дата обращения: 11.11.2023).

13. *Акопова К.* Нацассамблея Франции одобрила закон о борьбе с «фейковыми» новостями. URL: <https://rg.ru/2018/07/08/nacassambleia-francii-odobrila-zakon-o-borbe-s-fejkovymi-novostiami.html> (дата обращения: 11.11.2023).

М.М. Лапунин,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

Е.В. Лапунина,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Развитие высоких технологий в современном мире чаще всего ассоциируется с передовыми компьютерными устройствами и программами, искусственным интеллектом, космосом. Вместе с тем развитие и даже существование человечества находятся в прямой зависимости от удовлетворения так называемых витальных потребностей. Среди основных из них – питание. В качестве стратегической цели обеспечения отечественной продовольственной безопасности сегодня выступает обеспечение населения России безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, отражающих рациональные нормы потребления [1].

Таким образом, юридическое обеспечение научных достижений в области пищевой продукции имеет крайне важное значение в Российской Федерации и в мире. Вместе с тем вопрос охраны селекционных достижений, которые лежат в основе решения указанной стратегической цели, на уголовно-правовом уровне, к сожалению, не урегулирован надлежащим образом.

Показательно, что охрана авторских прав в уголовном законодательстве отражена более или менее основательно. При этом очевидно, что лицензионные «кино и музыка», например, затрагивают, главным образом, имущественное благосостояние правообладателей, а вопросы охраны селекционных достижений касаются непосредственно продовольственной безопасности.

В результате особый статус в цивилистике селекционных достижений не позволяет применять в подобных ситуациях положения норм гл. 19 УК РФ. В научной литературе неоднократно указывалось, что неотнесение селекционных достижений к числу предметов, охраняемых ст. 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав», является недостатком уголовно-правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности (в частности, Р.О. Долотов, Д.Д. Скребец [2, с. 703], П.А. Филиппов [3, с. 157]). Нет возможности применять в данном случае и ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав», поскольку права на селекционные достижения (гл. 73 ГК РФ) не относятся к авторским и смежным правам (гл. 70 и 71 ГК РФ). При этом принцип законности (ст. 3 УК РФ) запрещает применение уголовного закона по аналогии.

Имеющийся в Уголовном кодексе РФ пробел позволяет некоторым авторам категорично заявлять, что «в настоящее время селекционные достижения... полностью исключены из уголовно-правовой охраны» [4, с. 7–8].

Признавая отсутствие специальных уголовно-правовых норм в обозначенном аспекте, следует оговориться, что указанный факт не означает полного отказа законодателя от охраны общественных отношений, связанных с интеллектуальной собственностью на селекционные достижения. В ряде случаев нарушения таких прав могут получить уголовно-правовую оценку. Возможно привлечение нарушителей к уголовной ответственности, в частности за посягательства в сфере экономической деятельности, против собственности, государственной власти или порядка управления, против интересов службы в коммерческих и иных организациях при наличии всех признаков соответствующих преступлений.

Коммерческая тайна подлежит уголовно-правовой охране в соответствии со ст. 183 УК РФ. Однако часто посягательство на интеллектуальные права осуществляется на более ранних стадиях их оформления, когда еще невозможно говорить о наличии охраняемой коммерческой тайны в этой части, и здесь

можно вести речь о двух наиболее вероятных вариантах. В первом случае посягательство на интеллектуальные права осуществляет должностное лицо, которое работает в организации, занимающейся научными изысканиями в области сельского хозяйства. Второй вариант: преступление совершает так называемый общий субъект (физическое лицо без специальных, значимых для квалификации содеянного по УК РФ, признаков).

В теории уголовного права признается, что должностные лица или лица, исполняющие управленческие функции, нарушившие авторские или смежные права из корыстной или иной личной заинтересованности, должны нести уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ или за злоупотребление полномочиями по ст. 201 УК РФ [5; 6, с. 326–327].

Получение же виновным лицом патента на чужое достижение дает возможность претендовать в дальнейшем на вознаграждение по лицензионным договорам. У должностных лиц также возможна экономия стоимости патентной пошлины, которую уплачивал иной человек или юридическое лицо. Соответственно, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ [7], исходя из целей ст. 285 УК РФ, можно говорить о корыстной заин-

тересованности таких должностных лиц.

В отношении пп. 12 и 16 упомянутого постановления Пленума также можно вести речь об иной личной заинтересованности – стремлении должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера. Безусловно, присутствует личная заинтересованность в действиях должностных лиц, посягающих на чужие права на селекционные достижения, которые заключаются в указании в патентах, например на сорта выведенных растений (породы животных) в качестве патентообладателя (автора) себя вместо настоящих исследователей. Такие действия влекут незаконное приобретение указанными должностными лицами прав, предусмотренных гл. 73 раздела VII ГК РФ (части четвертой). Подчеркнем, что сам факт незаконного указания в качестве автора селекционных достижений должностного лица может свидетельствовать о его личной заинтересованности, независимо от наличия у него корысти (например, указание авторства могло иметь место из соображений тщеславия). Приводимые Верховным Судом РФ примеры действий вопреки интересам службы (например, выдача водительского удостоверения лицу, которое не сдало обязательный экзамен) указывают на то, что включение в список авторов селекционных достижений лиц, таковыми не явля-

ющихся, также говорит о действии вопреки интересам службы.

Особо следует подчеркнуть, что ответственность за злоупотребление должностными полномочиями возможна и за умышленное бездействие должностных лиц в части неисполнения обязанности по обеспечению имущественных прав юридического лица – истинного обладателя прав на селекционные достижения.

Поскольку признак существенности нарушения прав и законных интересов граждан или организаций в ст. 285 УК РФ относится к оценочным, то в качестве ориентира можно привести рекомендации Пленума Верховного Суда РФ: суды при установлении ущерба по ч. 1 ст. 146 и ст. 147 УК РФ должны подходить к каждому конкретному делу индивидуально, учитывая их наличие и размер реального ущерба, упущенной выгоды, доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав. При этом нужно принимать во внимание и положение, согласно которому лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения, наряду с другими убытками, упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем доходы, которые лицо, нарушившее право, получило вследствие этого нарушения (ст. 15 ГК РФ) [8].

В результате использования патентов и реализации сельскохо-

зяйственной продукции виновным в нарушении прав селекционеров может быть получен приличный доход. Нужно признать, что неполучение такого дохода правообладателем также может указывать на существенность нарушения прав.

В случае, когда речь идет об общем субъекте преступления, необходимо оговорить следующее. Если виновный, оформляя на себя не принадлежащие ему права на селекционные достижения, действовал в личных интересах, желая обогатиться путем причинения вреда законному правообладателю, то речь следует вести о совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ: причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Указание в качестве автора (или соавтора) селекционных достижений человека, реально не участвовавшего в получении селекционного достижения, позволяет либо полностью завладеть указанными правами, либо уменьшить (при ложном соавторстве) объем прав законного правообладателя на селекционные достижения (п. 3 ст. 1229, п. 3 ст. 1411 ГК РФ).

Специфика предусмотренного в ст. 165 УК РФ состава преступления по сравнению с хищением имущества состоит, в частности, в том, что для первого характерно причинение собственнику или

иному владельцу имущества ущерба не реального (материального), а в виде упущенной выгоды, при этом если его сумма превышает 250 000 руб. [9]

В данном случае обман со стороны лиц, осуществляющих так называемый плагиат, имеет место в части предоставления неверных сведений об авторстве при оформлении патентов. Иногда можно вести речь и о злоупотреблении доверием (виновные лица воспользовались служебными, трудовыми отношениями, полномочиями по гражданско-правовому договору в процессе оказания технической помощи организации-правообладателю в процессе выведения патентуемых сортов растений или пород животных).

Конкуренция уголовно-правовых норм имеет место при оценке содеянного должностными лицами, когда содеянное подпадает как под признаки ст. 285, так и ст. 165 УК РФ. Законодательно закрепленное правило квалификации при конкуренции норм содержится в ч. 3 ст. 17 УК РФ, в которой закрепляется приоритет специальной нормы. В отечественном уголовном праве состав злоупотребления полномочиями последовательно формировался в качестве специального вида злоупотребления доверием, отличающегося по субъекту преступления и по способу осуществления

объективной стороны состава преступления. Соответственно, при такой конкуренции ответственность обычно наступает по специальной норме за злоупотребление полномочиями [10, с. 280]. Однако при отсутствии статуса должностного лица у виновного в посягательстве на интеллектуальные права и при наличии умысла, направленного на причинение имущественного ущерба законному владельцу таких прав, применимой нормой следует признать положения ст. 165 УК РФ.

Если для оформления патента виновное лицо предоставляет поддельные соглашения с физическими или юридическими лицами, например для придания видимости законности передачи патентных прав, то уголовная ответственность наступает также за использование заведомо подложного документа (ч. 5 ст. 327 УК РФ). К разновидностям последнего судебная практика относит и гражданско-правовые договоры [11]. Использование подобного документа в данном случае направлено на подтверждение не существующих в реальности прав виновного на объекты интеллектуальной собственности, поскольку такое преступление совершается именно с прямым умыслом.

Исходя из изложенного, можно сформулировать следующие выводы. В гл. 19 УК РФ следует отра-

зить норму, под страхом уголовного наказания запрещающую посягательства на интеллектуальные права на селекционные достижения. Необходимость такой новеллы диктуется, во-первых, потребностью в уравнивании на охранительном уровне изобретательских, патентных прав и прав на селекционные достижения, во-вторых, реализацией Доктрины продовольственной безопасности РФ.

Как вариант, в этих целях возможно расширение диспозиции ст. 147 УК РФ за счет указания на селекционные достижения.

До момента, пока обозначенные изменения в законодательстве не произойдут, виновных в посягательствах на интеллектуальные права на селекционные достижения можно привлекать к ответственности при наличии в их действиях признаков составов преступлений прежде всего в сфере экономической деятельности, против собственности, государственной власти или порядка управления, против интересов службы в коммерческих и иных организациях (в частности, предусмотренных ст. 165, 183, 201, 285, 327 УК РФ).

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (п. 16) // СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 345.
2. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2011. Т. 16: Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. 952 с.
3. Филиппов П.А. Уголовно-правовая защита прав интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 218 с.
4. Джалилов Э.А. К вопросу об уголовно-правовой охране топологий интегральных микросхем и селекционных достижений // Правоотношения в инновационной экономике. 2022. Т. 2. № 1(2). С. 2–9.
5. Погуляев В.В., Вайпан В.А., Любимов А.П. Комментарий к Закону РФ «Об авторском праве и смежных правах» (постатейный). М., 2006. 152 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева; 3-е изд., изм. и доп. М., 2001. 880 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 16) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» (п. 24) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (п. 22) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

10. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2011. Т. 20: Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб.: Издание профессора Малинина. СПб., 2012. 668 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (п. 4) // Российская газета. 2020. 30 дек.

Н.И. Насиров,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

ИНСТИТУТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ: ТУРЕЦКАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ

Основным источником уголовного права Турции является Уголовный кодекс [1]. Он принят 26 сентября 2004 г. и вступил в силу с 1 июня 2005 г. Турецкое уголовное законодательство, в отличие от УК РФ, не дифференцировано на Общую и Особенную части. Вместе с тем образующие его структуру две книги (kitap) обеспечивают диалектическое единство общего и особенного. Содержание положений первой книги определяет цель и задачи уголовного закона, принципы и территориально-временные границы его действия, основания наступления уголовной ответственности и формы ее реализации, порядок назначения наказания, предпосылки освобождения от уголовной ответственности и наказания. Положения второй книги содержат описание конкретных разновидностей преступлений и предусматривают санкции за их совершение.

Турецкий уголовный закон при обозначении криминального поведения оперирует понятиями «деяние», «преступление» и «преступный акт». При этом они лишены законодательного определения. Основываясь на положениях норм УК Турции, можно констатировать, что законодатели данного государства при характеристике уголовно наказуемого деяния используют формальные признаки в виде указания на виновность, противоправность и наказуемость действия или акта бездействия. В этой связи весьма привлекательной представляется отечественная уголовно-правовая модель понятия преступления. Она не только аккумулирует в себе формальные признаки преступления в виде противоправности, виновности и наказуемости общественно опасного деяния, но и ак-

центрирует внимание на его материальной сущности – общественной опасности. Это принципиально важно, поскольку каждый признак преступления (противоправность, виновность, наказуемость) обусловлен общественно опасной сущностью.

В качестве субъекта преступления турецкое уголовное законодательство признает только вменяемое физическое лицо, достигшее двенадцатилетнего возраста (ст. 31 УК Турции). Кодекс подчеркивает персонифицированность уголовной ответственности, т.е. ее реализация возможна в отношении лица, признанного судом виновным в совершении преступления. Вина может выражаться в виде умысла (*kast*) и неосторожности (*taksir*). Лицо, не осознающее значения и последствий совершенного деяния, а также не способное руководить своим поведением, не может привлекаться к уголовной ответственности.

Турецкое уголовное законодательство обращает на себя внимание отсутствием норм, регламентирующих категоризацию преступлений и стадий их совершения. В нем содержится лишь упоминание о покушении на преступление (*suça teşebbüs*): «если лицо приступило к совершению преступления, которое оно намеревалось совершить непосредственно, соответствующими

действиями, и не может завершить его по независящим от него причинам, оно несет ответственность за покушение» (ст. 35 УК Турции). Прочитанная уголовно-правовая норма позволяет выделить признаки, характеризующие турецкую модель понятия покушения на преступление. Во-первых, покушение на преступление возможно только путем активных действий. Во-вторых, оно может быть совершено только умышленно. В-третьих, начатое преступление не доводится до своего логического конца по независящим от преступника обстоятельствам.

Реализация уголовной ответственности в отношении виновных в совершении преступления лиц по уголовному закону Турции возможна в двух формах:

а) посредством применения уголовного наказания (*ceza*);

б) посредством применения мер безопасности (*güvenlik tedbirleri*).

Система уголовных наказаний Турции включает денежный штраф, срочное тюремное заключение и пожизненное тюремное заключение. Штраф представляет собой денежное взыскание и устанавливается в размере от 5 до 730 полных дневных ставок. Определяя размер штрафа, суд учитывает имущественное положение осужденного, возможность получения им заработной платы или иного

дохода, а также другие исключительные личные обстоятельства. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до двух лет (ст. 52 УК Турции). Осужденный к штрафу (без рассрочки выплаты) обязан его уплатить в течение 30 дней со дня вступления приговора суда в законную силу. Уклонение осужденного от выполнения обязанности по уплате штрафа в указанные сроки предопределяет его замену тюремным заключением на срок до трех лет.

Сущность уголовного наказания в виде тюремного заключения на определенный срок заключается в изоляции осужденного от общества путем его помещения в пенитенциарное учреждение и может устанавливаться на срок от 1 месяца до 20 лет (ст. 49 УК Турции). Согласно Закону Турецкой Республики «Об исполнении наказаний и мерах безопасности» [2], систему пенитенциарных учреждений образуют: пенитенциарное учреждение закрытого типа (kapalı ceza infaz kurumları), пенитенциарное учреждение закрытого типа со строгим режимом (yüksek güvenlikli kapalı ceza infaz kurumları), женское пенитенциарное учреждение закрытого типа (kadın kapalı ceza infaz kurumları), пенитенциарное учреждение закрытого типа для

несовершеннолетних (çocuk kapalı ceza infaz kurumları), молодежное пенитенциарное учреждение закрытого типа (gençlik kapalı ceza infaz kurumları), центры наблюдения и классификации (gözlem ve sınıflandırma merkezleri), пенитенциарное учреждение открытого типа (açık ceza infaz kurumları), учебные заведения для несовершеннолетних (çocuk eğitimevleri).

Уголовное законодательство Турции предусматривает два вида пожизненного заключения: а) простое пожизненное тюремное заключение; б) тяжкое пожизненное тюремное заключение (ст. 47–48 УК Турции). Выбранная судом разновидность бессрочного лишения свободы влияет на возможность реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и предопределяет условия содержания осужденного. Так, согласно ч. 2 ст. 107 Закона Турецкой Республики «Об исполнении наказаний и мерах безопасности», отбывающее простое пожизненное тюремное заключение лицо может быть освобождено условно-досрочно после фактического отбытия не менее двадцати четырех лет лишения свободы, а осужденный к тяжкому пожизненному тюремному заключению – после фактического отбытия не менее тридцати лет лишения свободы. Законодательством предусмотрен особый порядок отбывания

наказания в виде тяжкого пожизненного тюремного заключения. Осужденные к тяжкому пожизненному тюремному заключению содержатся в пенитенциарном учреждении закрытого типа со строгим режимом и размещаются в одиночной камере в условиях, обеспечивающих усиленную их изоляцию. Данной категории осужденных разрешаются ежедневная прогулка продолжительностью один час, раз в пятнадцать дней один телефонный разговор длительностью не более десяти минут и одно краткосрочное свидание продолжительностью до одного часа с близкими родственниками.

С принятием нового УК Турции система мер безопасности подверглась существенной реконструкции. В настоящее время ее образуют две подсистемы: а) меры безопасности, применяемые к физическим лицам; б) меры безопасности, применяемые к юридическим лицам. Первую подсистему образуют лишение определенных прав (занимать должность в государственных органах, заниматься определенной деятельностью, избирать и быть избранным и т.д.), конфискация имущества, медицинский контроль и принудительное лечение, депортация физического лица. К числу мер безопасности, применяемых к юридическим лицам, отнесены аннулирование ли-

цензии (разрешения) и конфискация имущества.

При наличии социально-правовых оснований, свидетельствующих о нецелесообразности или невозможности исполнения назначенного судом наказания, уголовный закон Турции предусматривает возможность освобождения осужденного от реального, частичного или полного его отбывания. Турецкой уголовной и пенитенциарной юстиции известны три вида освобождения от отбывания наказания: а) отсрочка тюремного заключения; б) условное освобождение от отбывания наказания; в) амнистия.

Предусмотренная уголовным законом Турецкой Республики отсрочка тюремного заключения имеет общие черты с отечественной уголовно-правовой мерой в виде отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ). Ее суть заключается в приостановлении исполнения назначенного судом наказания в течение определенного времени. Возможность применения отсрочки тюремного заключения ограничена как по сроку наказания, так и по кругу лиц. Она может быть реализована в отношении осужденных к тюремному заключению на срок до двух лет, которые ранее не приговаривались к тюремному заключению на срок более трех месяцев за совершение умышленного

преступления и во время судебного разбирательства раскаялись в содеянном. Данной категории осужденных назначается испытательный режим на срок от одного года до трех лет, и на них возлагается ряд юридических обязанностей. Например, суд может обязать такое лицо продолжить программу профессионального обучения, посещать образовательное заведение и трудоустроиться (ст. 51 УК Турции).

Применение условного освобождения от отбывания наказания по законодательству Турции возможно при наличии материальных и формальных оснований. Материальный показатель отражает уровень исправления осужденного, демонстрирующий готовность личности реинтегрироваться в социум и вести законопослушный образ жизни после освобождения от отбывания наказания. Формальным основанием применения условного освобождения от отбывания наказания выступает отбытая часть срока наказания. Согласно ч. 2 ст. 107 Закона Турецкой Республики «Об исполнении наказаний и мерах безопасности», условное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным к срочному тюремному заключению половины срока наказания, к простому пожизненному тюремному заключению – не менее

24 лет лишения свободы, тяжкому пожизненному тюремному заключению – не менее 30 лет лишения свободы.

По законодательству Турции амнистия может осуществляться в двух формах: общая амнистия (*genel af*) и специальная амнистия (*özel af*). Согласно ст. 87 Конституции Турецкой Республики, амнистия входит в сферу компетенции Великого Национального Собрания Турции [3]. В случае объявления всеобщей амнистии назначенное судом уголовное наказание отменяется и все связанные с ним уголовно-правовые последствия аннулируются. Сущность специальной амнистии имеет следующие проявления: а) освобождение лица от дальнейшего отбывания наказания; б) сокращение срока отбываемого наказания; в) замена назначенного судом срочного тюремного заключения денежным штрафом (ст. 65 УК Турции).

Таким образом, правовая регламентация институтов преступления и наказания по уголовному законодательству Турецкой Республики имеет свои особенности. Они прослеживаются в отсутствии официальных определений рассматриваемых институтов и законодательной модели категоризации преступлений, ограниченном спектре уголовных наказаний.

Библиографический список

1. Турецкий Уголовный кодекс от 26 сентября 2004 г. (Turk Ceza Kanunu, 26.09.2004 tarih). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/394521> (дата обращения: 20.10.2023).
2. Закон Турецкой Республики от 13 декабря 2004 г. «Об исполнении наказаний и мерах безопасности» (Ceza ve Güvenlik Tedbirlerinin Infazi Hakkında Kanun, 13.12.2004 tarih). URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5275-20140523.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).
3. Конституция Турецкой Республики от 18 октября 1982 г. (Türkiye Cumhuriyeti Anayasası, 18.10.1982 tarih). URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/IcSite/illeridaresi/Mevzuat/Kanunlar/Anayasa.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

Е.В. Пономаренко,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

В.П. Богачева,

обучающаяся Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

XXI век поистине можно признать временем бурного развития инновационных технологий. Еще каких-то 30 лет назад истории про интеллектуальное программирование, генетически модифицированные организмы, альтернативные источники энергии можно было встретить на страницах журналов фантастического жанра. Однако уже сегодня многие промышленные предприятия в своей производственной деятельности используют робототехнику, оснащенную системой искусственного интеллекта. Развитие робототехники, генной инженерии, эмбриологии, а также биотехнологий открывает перед человечеством большие возможности и уникальные перспективы, одновременно они же таят в себе огромную угрозу. Традиционная преступность начинает приспосабливаться к новым условиям, используя современные достижения научно-технического прогресса. Законодатель пытается заблаговременно урегулировать вновь возникшие общественные отношения, криминализируя новые виды общественно опасных деяний. Несмотря на это, следует констатировать, что действующее уголовное законодательство не способно на сегодняшний день в полной мере обеспечить охрану интересов личности, общества и государства от негативных факторов использова-

ния инновационных технологий. В УК РФ имеется самостоятельная глава, закрепляющая уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28), которые можно отнести к разновидности преступлений, совершаемых с использованием инновационных технологий, а также за общеуголовные преступления, которые совершаются с использованием специфических способов, присущих инновационной деятельности, а именно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Однако набирающий обороты научно-технический прогресс порождает новые виды угроз инновационного характера, требующие уголовно-правового реагирования.

Так, большую популярность приобретает внедрение во все сферы человеческой жизнедеятельности технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ). Россия входит в топ-20 стран в области исследований искусственного интеллекта с долей 2,4 % [1]. Глава Минцифры России Максим Шадяев обозначил приоритеты внедрения ИИ в госуправление. В частности, на портале госуслуг будет внедрен голосовой помощник, который позволит задавать вопросы голосом и получать голосовой ответ. В медицинской сфере нейросети будут давать врачам подсказки при

постановке диагноза. Кроме того, она будет применяться для анализа спутниковых снимков: ИИ поможет выявить незаконные вырубки лесов и незарегистрированные постройки. После обработки накопленного Росгидрометом массива данных ИИ поможет строить более точные прогнозы погоды. Вместе с тем многие ученые неоднократно заявляли, что ИИ может иметь и обратную сторону, представлять существенную опасность, вплоть до исчезновения человечества. На возможные угрозы, исходящие от использования ИИ, обратил внимание и Президент России В.В. Путин, выступая на пленарном заседании международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению *Artificial Intelligence Journey – 2023* [2]. Действительно, «ни законодатель, ни разработчики систем искусственного интеллекта не знают возможных последствий таких систем» [3, с. 20], в связи с чем все чаще в информационном пространстве звучат призывы к замедлению развития данной технологии, особенно так называемого сильного ИИ, обладающего сверхмощными когнитивными способностями. Какие же угрозы таит в себе искусственный интеллект? Здесь можно выделить два основных вектора опасности: 1) использование возможностей ИИ существенно облегчит совершение традиционных

преступлений; 2) сам ИИ может совершать различные правонарушения, в связи с чем возникают вопросы: является ли ИИ только специфическим объектом права? можно ли рассматривать его в качестве самостоятельного субъекта правоотношений? могут ли роботы наравне с человеком иметь права и нести обязанности? Не будем подробно останавливаться на анализе заявленных вопросов, т.к. это требует самостоятельного научного исследования, но на их большую часть необходимо дать отрицательный ответ. В связи с тем, что до сих пор нет единого понимания сути указанного явления и его возможностей, самым оптимальным вариантом на сегодняшний день является приравнивание ИИ к источникам повышенной опасности. Соответственно, кто его эксплуатирует, тот и несет полную ответственность даже за случайное причинение вреда. По данному пути идут большинство западноевропейских стран. Так, в феврале 2017 г. Европарламент отказался от идеи предоставления правосубъектности ИИ. Подобный законопроект был отклонен и в Эстонии.

Однако есть и исключения. В 2018 г. было предоставлено саудовское гражданство роботу по имени София, который в дальнейшем принимал участие в выборах на пост мэра японского города Тама. Имеются и случаи привлече-

ния роботов к ответственности. Так, в 2015 г. компания DoNotPay создала чат-бот, который консультировал клиентов по делам о просроченных платежах и штрафах, но через пять лет компания начала обучать бота прецедентному праву, чтобы в дальнейшем ИИ смог оказывать широкий спектр юридических услуг потребителям, в том числе защищать в суде. В начале 2023 г. владелец данной компании (Браудер) анонсировал, что 22 февраля 2023 г. первый в мире робот-адвокат выступит в суде по делу об оспаривании штрафа за нарушение ПДД. Планировалось, что робот будет слушать через смарт-устройство все, что происходит в суде, и через наушник подсказывать своему клиенту необходимые действия и слова. Более того, в случае проигрыша DoNotPay собиралась покрыть все штрафы своего клиента. Данная новость не понравилась другим адвокатам (адвокатам-людям), и несколько ассоциаций адвокатов США инициировали проверку законности осуществления ИИ юридической практики. В итоге участие ИИ в качестве защитника в заседании не состоялось, вместо этого робот-адвокат стал ответчиком в суде: его обвинили в осуществлении практики в отсутствие юридического образования и лицензии на работу.

Изложенное свидетельствует только об одном: с каждым годом

технологии в области искусственного интеллекта будут развиваться, и «вопрос о правовом регулировании указанной проблемы перейдет из страниц художественных книг в стены законодательных органов государственной власти» [3, с. 20]. В ближайшей перспективе законодателю придется определиться с гражданско-правовым статусом роботов, наделенных ИИ, и разработать механизм уголовно-правовой охраны интересов личности, общества и государства от рисков использования робототехники и искусственного интеллекта.

Не меньшую популярность в последнее время приобретает технология «биопринтинг» – технология быстрого печатания человеческих органов посредством 3D-печати. Родоначальником данной технологии считается Ч. Халли, сконструировавший в 1986 г. первый стереолитографический трехмерный принтер. Биопринтинг в научной литературе определяется как «высокоточная технология послойного производства трехмерных тканевых и органных конструкторов с внешней и внутренней архитектурой, заданной цифровой моделью, с использованием живых клеток в качестве печатного материала» [4, с. 39]. Данное ноу-хау позволит сократить дефицит человеческих донорских органов, т.к. «в качестве материалов для создания биопринтных ор-

ганов служат живые клетки самого пациента» [5, с. 86]. Благоприятный отзыв рассматриваемая инновация уже нашла в косметологии, также ученым удалось сконструировать прототипы поджелудочной железы, печени, легких, нервной ткани, трахеи. Но здесь следует согласиться с мнением А.А. Шутовой в той части, что «преступники могут начать добывать органы и ткани для биопринтинга, извлекая из трупов и лиц, ожидающих кремацию, в своих корыстных целях» [6, с. 759]. С позиции уголовного закона такие действия возможно квалифицировать лишь в рамках ст. 244 УК РФ – как надругательство над телами умерших. Не меньшую опасность представляют действия, связанные с получением биочернил путем уничтожения человеческих эмбрионов, что в настоящее время вообще не признается уголовно-противоправным деянием. Фактически получается, что преступники могут поставить данную технологию на поток, начать печатать человеческие органы на заказ или продавать их на черном рынке, не боясь никакой ответственности, т.к. общественные отношения в данной сфере должным образом не урегулированы. В связи с этим в научной литературе предлагается ввести в УК РФ самостоятельный состав преступления, предусматривающий наказания, направленные

на предотвращение подобных криминальных явлений [6, с. 760]. Данная идея, конечно же, заслуживает внимания. Но на сегодняшний день такие случаи являются единичными, да и сама технология пока находится на начальной стадии своего развития, в связи с чем предлагаем ограничиться закреплением в ст. 63 УК РФ такого обстоятельства, отягчающего наказание, как «совершение преступления с незаконным изъятием органов и (или) тканей трупа человека».

Особую озабоченность в последнее время вызывает растущая угроза киберпреступности. Согласно статистике, публикуемой компанией Niscox, в 2021 г. 43 % компаний сообщили о кибератаке, а уже в 2022 г. таких компаний оказалось 48 %. Дипфейк-атаки – один из самых изощренных способов, с помощью которых хакеры получают доступ к бизнесу [7]. Разрушительный потенциал кибератак становится все более очевиден, особенно в области геополитических угроз. Особое внимание стоит уделить рискам, связанным с массовой утечкой данных, которые усиливают влияние кибератак на глобальную экономику. «Киберпреступность наносит не только прямой ущерб экономике, но и сдерживает развитие инноваций» [8, с. 166]. Одна из причин широкого распространения данного вида преступности – развитие сети

Интернет. «Интернет как эффективный способ налаживания коммуникации, позволяющий без труда собрать и распространить любую информацию, смог вывести на новый уровень развития информационные технологии, тем самым упростить человеческое существование» [9, с. 167]. Но именно интернет-технологии все чаще используются при совершении различных преступлений. Реализуя аксиому, согласно которой преступления, совершаемые с использованием специальных технических средств и (или) орудий, являются более общественно опасными, предлагается расширить перечень обстоятельств, отягчающих наказание, указанных в ст. 63 УК РФ, за счет включения в данную статью такого признака, как «совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Кроме того, рассматриваемый нами способ совершения преступления нашел свое отражение не во всех нормах уголовного закона. Отсутствует он в составах преступлений, выраженных в диспозициях статей 119, 150, 151, 207.1, 207.2, 207.3, 228.4, 240, 280.3, 282.4, 284.2 УК РФ. В связи с этим считаем необходимым в указанных деяниях предусмотреть такой квалифицирующий признак, как их совершение «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [10, с. 191].

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что уголовное законодательство должно идти в ногу со временем, своевременно и эффективно

реагировать на все возможные угрозы, исходящие от использования инновационных технологий.

Библиографический список

1. Тренды развития искусственного интеллекта и темпы его роста в России и мире максимально сблизились // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/04/17/trendy-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta-i-tempy-ego-rosta-v-rossii-i-mire-maksimalno-sblizilis.html> (дата обращения: 28.09.2023).
2. Стенограмма выступления Путина на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-konferencii-puteshestvie-v-mir-iskusstvennogo-intellekta-24-11-20.html> (дата обращения: 26.11.2023).
3. Некрасов В.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: за и против // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 4.
4. Хесуани Ю.Дж., Сергеева Н.С., Миронов В.А. и др. Введение в 3D-биопринтинг: история формирования, направления, принципы и этапы биопечати // Гены и клетки. 2018. № 3. С. 38–45.
5. Галюкова М.И. Предпосылки уголовной ответственности за биопринтинг // Lex Russia. 2023. Т. 76. № 1(194). С. 85–97.
6. Шутова А.А. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере 3D-биопринтинга // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 757–766.
7. 14 главных технологических трендов, которые повлияют на нашу жизнь и карьеру в 2023 году. URL: <https://b-mag.ru/10-glavnyh-tehnologicheskikh-trendov-kotorye-povlijajut-na-nashu-zhizn-i-kareru-v-2023-godu/> (дата обращения: 02.11.2023).
8. Жадан И.Э., Мамаева Л.Н. Киберпреступность как угроза международной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 8. С. 166–169.
9. Пономаренко Е.В. Уголовная ответственность за спам-рассылку // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по матер. X Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 октября 2023 г.). СПб., 2023. С. 166–169.
10. Пономаренко Е.В. Совершение преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы законодательной регламентации // Государство и право в изменяющемся мире: 30 лет конституционного развития: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 марта 2023 г.). Н.Новгород, 2023. С. 186–191.

Р.А. Севостьянов,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
прокурорского надзора
и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии

МЕТОДИКА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ

Преступность несовершеннолетних является объектом научного исследования многих авторов-криминологов. Особую актуальность криминологического изучения этого направления подчеркивает Е.В. Демидова-Петрова, справедливо считая данную сферу социальным индикатором, наглядно демонстрирующим проблемы общества [1].

Преступность несовершеннолетних отчетливо показывает дефицит общественной морали, а также криминализацию будущего нашей страны [2]. Рост рассматриваемого вида преступности свидетельствует об усугублении социальных проблем [3].

Особенности преступного поведения несовершеннолетних определяются нравственно-психологическими характеристиками данной социальной группы, к числу которых относятся:

- 1) повышенная эмоциональность;
- 2) недостаток критического мышления в силу еще несформировавшегося полностью интеллекта;
- 3) протест в отношении окружающего мира, вызванный поиском своего места в обществе;
- 4) несформированность моральных ценностей;
- 5) трансляция ответственности на взрослых;
- 6) негативизм, предполагающий относительно легкое восприятие отрицательных сторон жизни;
- 7) подверженность внешнему влиянию;
- 8) склонность к групповым действиям;

9) радикализм (крайности) восприятия окружающего мира.

Профилактическая работа с подростками должна учитывать эти особенности. Ее следует направлять на коррекцию вышеуказанных факторов, т.е. строить таким образом, чтобы она способствовала выработке навыков контроля эмоций, развитию интеллекта, лучшему пониманию окружающего мира, формированию морали, личной ответственности, критическому отношению к внешнему влиянию и поведению толпы.

Правильно построенная работа с подростками должна иметь положительный результат. Шансов на исправление у данной социальной группы гораздо больше, чем у взрослых.

В.И. Силантьев справедливо отмечает, что подросток находится на стадии становления, формирует мировоззрение, развивает заложенные внутренние качества [4].

Подростковые представления о жизни, шаблоны поведения и иные социальные навыки еще не имеют признаков повышенной устойчивости, в связи с чем прогноз позитивных изменений в отношении них гораздо выше, чем относительно лиц более старших возрастных групп.

Профилактическая работа с подростками должна быть плановой, комплексной, систематической. Она может быть предложена в раз-

ных видах. Одним из них является проведение групповых профилактических занятий.

Под группой может пониматься класс в школе, подростки, состоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, внутришкольном учете, обучающиеся специальных школ, а также подростки, содержащиеся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Важно учитывать тот факт, что в группу целесообразно включать подростков одного возраста, кроме того, для лучшего поддержания дисциплины и усвоения материала группа не должна быть слишком большой (желательно не более 20 человек).

Предлагается выделять ряд принципов данного вида деятельности:

- 1) доступность излагаемого материала: его подача должна соответствовать уровню интеллектуального развития социальной группы;
- 2) наглядность: для лучшего запоминания материала;
- 3) интерактивность, предполагающая активное взаимодействие с аудиторией;
- 4) ограничение по времени: занятия не должны превышать 40 минут, поскольку при большей длительности рассеивается внимание и ослабевает профилактический эффект;

5) сочетание правового и нравственного воспитания;

6) ненавязчивость подачи материала: для занятий лучше избирать игровые формы либо близкие к ним варианты работы;

7) поддержание атмосферы доверия во время мероприятия;

8) обязательное требование ко всем участникам – дисциплина.

Наиболее эффективными представляются следующие формы групповой профилактической работы с несовершеннолетними:

1) беседа: общение в свободной форме, предполагающее форму «вопрос – ответ», высказывание собственной позиции;

2) лекция: директивная подача материала, сопровождающаяся наглядной презентацией;

3) интерактивная лекция: директивная подача материала в сочетании с активным взаимодействием с аудиторией;

4) решение задач: представление жизненных ситуаций для подростков и получение от них ответов с их разрешением;

5) игра: развлекательно-познавательное занятие, использующее элементы соревновательности.

Для обсуждения в разных формах можно использовать такие темы занятий, как:

1) «Что такое собственность?»: рассматриваются вопросы законного приобретения права собствен-

ности, отношения к своей и чужой собственности, понимания противоправных способов завладения собственностью, ответственности за деяния против собственности;

2) «Конфликты»: разбираются вопросы бесконфликтного поведения, дозволительные и недозволенные способы разрешения конфликтов, последствия применения недозволенных способов разрешения конфликтов;

3) «Что такое экстремизм?»: рассматриваются проблемы межнациональных и межэтнических отношений, способы их разрешения, вопросы опасности вступления в деструктивные группы, противостояния вербовке в экстремистские структуры;

4) «Правила дорожного движения»: разбираются правила поведения на дороге пешеходов, а также водителей скутеров, мопедов, мотоциклов, велосипедистов и др.;

5) «Память о Великой Отечественной войне»: вспоминаются события войны, подвиг советского народа, говорится об уголовной ответственности за вандализм в отношении памятников и за реабилитацию нацизма по ст. 354.1 УК РФ;

6) «Безопасное поведение в сети»: в ходе занятия проговариваются опасности, которые таятся в Интернете, – экстремизм, мошенничество, оскорбления и прочие, определяются способы защиты от них;

7) «Опасность наркотиков»: рассматриваются вопросы ответственности за преступления в данной сфере, а также последствия употребления наркотиков.

Возможно проведение занятий на смешанные темы, в которых дискутируются наиболее важные вопросы из разных тем.

Помимо вышеуказанной тематики полезно проведение занятий по иным темам, например связанным с географией, историей, культурой и традициями народов России. Такие занятия способствуют развитию интеллекта, уважения к стране, ее истории, людям разных национальностей.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, личность несовершеннолетних в силу несформиро-

ванности нравственно-психологических характеристик вполне подвержена позитивной коррекции и формированию законопослушной направленности.

Во-вторых, в целях позитивной коррекции следует использовать различные формы воздействия на личность несовершеннолетних, в том числе лекции, беседы, игры на актуальную тематику.

В-третьих, положительный результат возможен при соблюдении принципов построения работы с несовершеннолетними, ее постоянства и систематичности.

В-четвертых, одним из самых актуальных вопросов в данной сфере является формирование методики профилактической работы с несовершеннолетними.

Библиографический список

1. Демидова-Петрова Е.В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4(14). С. 52–58.
2. Демидова-Петрова Е.В. Специфика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3, т. 2. С. 13–18.
3. Косорукова Е.В. Преступность несовершеннолетних как один из видов преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1(57). С. 78–80.
4. Силантьев В.И. Особенности личности несовершеннолетних преступников // Инновационная наука. 2022. № 3-2. С. 76–78.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Богатова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной
юридической академии

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ КООРДИНАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1] (далее – Закон о прокуратуре) координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью является одной из функций органов прокуратуры. Она раскрывается в Положении о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (далее – Положение), утвержденном Указом Президента РФ в 1996 г. [2].

Одной из форм реализации данной функции является проведение координационных совещаний, в рамках которых обсуждаются нарушения законодательства и принимаются меры к их устранению. Как правило, координационные совещания посвящены проблемам расследования и раскрытия определенных категорий преступлений, недостаткам в деятельности правоохранительных органов [3, с. 90]. Вместе с тем, по смыслу Положения, борьба с правонарушениями не входит в предмет координации, как, например, в Республике Казахстан, где на прокуратуру возложены полномочия «по координации деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью» [3, с. 70].

Несмотря на это, на практике данному вопросу также уделяется внимание. Происходит это с помощью создания межведомственных рабочих групп и совещаний, деятельность которых законодательно не урегулирована, но обязанность по их созданию содержится в некоторых приказах Генерального прокурора. Так, Приказ от 15 марта 2019 г. № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» [4] содержит указание о необходимости сформировать при прокуратуре субъекта РФ межведомственную рабочую группу с участием региональных органов власти, территориальных подразделений правоохранительных и контролирующих органов, профсоюзных объединений и объединений работодателей, на заседаниях которой определять согласованные действия по защите трудовых прав граждан, уделяя повышенное внимание вопросам полноты и своевременности выплаты вознаграждения за труд, охраны труда, защиты от безработицы, противодействия созданию профсоюзных организаций и неправомерного вмешательства в их деятельность. Например, прокуратура Фрунзенского района г. Саратова провела заседание межведомственной рабочей группы по вопросам соблюдения трудового законодательства, в том числе прав граждан на оплату и ох-

рану труда. При участии представителей районной администрации, службы судебных приставов Фрунзенского РОСП, межрайонной инспекции ФНС № 23 по Саратовской области, территориального центра занятости населения по Волжскому и Фрунзенскому районам, отделения СФР по Саратовской области, правоохранительных органов района рассмотрены вопросы о задолженности по заработной плате, перспективах ее погашения, несоблюдении требований законодательства в сфере охраны труда, неформальной занятости, исполнении судебных актов о невыплате заработной платы. Организационно-методическая работа, координационная деятельность и меры реагирования способствовали ликвидации задолженности по заработной плате с начала этого года на сумму более 3,5 млн рублей.

Тем не менее межведомственные рабочие группы создаются не только в целях защиты трудовых прав граждан. Так, прокуратура Новосибирской области неоднократно созывала межведомственные рабочие группы с приглашением органов власти региона, правоохранительных органов по вопросам защиты прав обманутых дольщиков, осуществляла выезды на объекты, инспектировала динамику работ по завершению строительства многоквартирных домов. В результате мер, принятых прокуратурой, уда-

лось добиться ввода 29 и 30 декабря текущего года жилых домов в эксплуатацию, восстановить жилищные права 535 граждан [5]. В Астраханской области с участием начальника управления Генеральной прокуратуры РФ в Южном федеральном округе Константина Сомова проведено заседание межведомственной рабочей группы прокуратуры региона по противодействию нарушениям законодательства в жилищно-коммунальной сфере [6].

По своей сущности рабочие группы и межведомственные совещания очень похожи на координационные совещания, но, поскольку в соответствии с Положением предметом координации выступает борьба только с преступлениями, а не с правонарушениями, включение в план иных вопросов не допускается.

Анализ практики прокурорского надзора свидетельствует об активном использовании в целях предупреждения и пресечения правонарушений и такой формы координации, как выезды на место происшествия для проведения согласованных действий [7–11]. Как правило, такая форма реализуется в экстренных случаях, требующих незамедлительного реагирования со стороны органов прокуратуры, когда есть угроза или уже причинен вред жизни, здоровью граждан, нарушены их социально значимые права.

Фактически функция координации деятельности давно вышла за пределы борьбы с преступностью, но по аналогии применяется и при осуществлении надзора в различных направлениях. Практика показывает, что прокурор координирует деятельность не только правоохранительных органов, но и органов контроля и надзора, органов государственной власти и местного самоуправления. Вместе с тем такое полномочие прокурору не предоставлено ни Законом о прокуратуре, ни другим правовым актом. Не определено, какой статус имеют межведомственные группы и совещания, какое значение имеют их решения, обязаны ли органы государственной власти, местного самоуправления, органы контроля и надзора принимать участие в таких мероприятиях.

Таким образом, координация прокуратурой деятельности правоохранительных и контролирующих органов, а также органов власти по борьбе с правонарушениями и преступлениями имеет огромный потенциал в сфере защиты прав граждан. Данная деятельность представляет собой возможность названных органов договориться и объединить свои усилия для достижения общей цели. Однако отсутствие должной степени правовой регламентации этой сферы снижает ее эффективность.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5772.
2. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») (в ред. от 31 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2020. № 1, ч. 1, ст. 7.
3. *Зинуров Р.Н.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: тенденции и закономерности: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2003. 351 с.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 15 марта 2019 г. № 196 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // Законность. 2019. № 5.
5. После вмешательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации восстановлены права обманутых дольщиков в г. Новосибирске. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=69351548> (дата обращения: 20.10.2023).
6. Начальник управления Генеральной прокуратуры в Южном федеральном округе Константин Сомов принял участие в заседании межведомственной рабочей группы по противодействию нарушениям законодательства в ЖКХ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=83087194> (дата обращения: 20.10.2023).
7. Прокуратура Озинского района координирует работу уполномоченных служб в с. Солянка Озинского района, где произошло подтопление. URL: https://vk.com/sarprokrf?w=wall-211759218_2811 (дата обращения: 20.10.2023).
8. Красноармейская межрайонная прокуратура организовала проверку по факту обрушения плиты перекрытия в здании больницы. Для координации деятельности служб прокурор выехал на место происшествия. URL: https://vk.com/sarprokrf?w=wall-211759218_2787 (дата обращения: 20.10.2023).
9. По поручению прокурора Саратовской области Сергея Филипенко прокуратура г. Энгельса организовала проверку по факту взрыва газа в многоквартирном доме. Для координации деятельности аварийно-спасательных служб на место происшествия выехал и.о. прокурора г. Энгельса Александр Осипов. URL: https://vk.com/sarprokrf?w=wall-211759218_2649 (дата обращения: 20.10.2023).
10. Прокуратура г. Саратова организовала проверку в связи с проведением аварийно-восстановительных работ на сетях холодного водоснабжения. Для координации деятельности на место выехал заместитель прокурора г. Саратова Виталий Марцинкевич. URL: https://vk.com/sarprokrf?w=wall-211759218_2567 (дата обращения: 20.10.2023).
11. По поручению прокурора Саратовской области С.В. Филипенко прокуратура г. Саратова организовала проверку в связи с крупной аварией на тепловых сетях в Саратове. Для координации деятельности уполномоченных служб на место происшествия выехал и.о. заместителя прокурора г. Саратова И.А. Горин. URL: https://vk.com/sarprokrf?w=wall-211759218_2178 (дата обращения: 20.10.2023).
12. *Абдиров Н.М.* Координационная деятельность прокуратуры по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Республике Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 244 с.

А.Н. Варыгин,

доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ: ЕСТЬ ЛИ ОНА?

Одной из задач криминологии на современном этапе является разработка эффективных, отвечающих современному уровню социально-экономического развития общества мер предупреждения преступности, научно-методическое обеспечение деятельности правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью, в том числе органов прокуратуры.

К большому сожалению, в криминологии до сих пор не решен вопрос о том, как именовать деятельность государства, направленную «против» преступности, т.к. ученые, определяя ее, используют разные понятия: борьба с преступностью, предупреждение преступности, контроль над преступностью, противодействие преступности, профилактика преступлений. Иногда эти понятия применяются как синонимы, иногда как самостоятельные. Автор солидарен с учеными, которые используют понятие «предупреждение преступности», и сам им оперирует [1, с. 115]. Одной из форм предупреждения преступности является профилактика преступлений [1, с. 118]. Профилактика не единственная, но главная форма предупреждения преступности, и именно о ней будет идти речь применительно к деятельности органов прокуратуры. К сожалению, и с ней не все однозначно. Например, некоторые ученые отождествляют профилактику с общесоциальным предупреждением преступности. В частности, В.Н. Кудрявцев писал, что социальная профилактика представляет собой совокупность мер, направленных на оздоровление общественных отношений, ликвидацию социальных пороков, повышение благосостояния общества [2, с. 290].

Отождествляют профилактику преступлений с предупреждением преступности и другие ученые [3, с. 235].

Нет единства взглядов и относительно видов самой профилактики. Обычно ученые выделяют два таких вида: общую и индивидуальную профилактику, забывая при этом о профилактике виктимологической, о которой также следует вести речь как о самостоятельном виде профилактики.

В 2016 г. в стране был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [4] (далее – Закон об основах системы профилактики). В ст. 5 указанного Закона в качестве субъекта профилактики правонарушений и, соответственно, преступлений закреплены органы прокуратуры. В ст. 9 детализируются ее полномочия в этом направлении и отмечается, что органы прокуратуры осуществляют профилактику правонарушений, обеспечивая надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и их должностными лицами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [5] (далее – Закон о прокуратуре).

Дело в том, что сам Закон о прокуратуре прямо не закрепляет ни предупредительные, ни тем более профилактические функции органов прокуратуры. Единственное, о чем идет речь применительно к предупреждению преступности, так это о координации деятельности по борьбе с преступностью (ст. 8 Закона). Возникает вопрос: можно ли координировать деятельность других правоохранительных органов по борьбе с преступностью и предупреждением конкретных преступлений, не занимаясь подобной деятельностью? Думается, что нет. Не случайно, ст. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью определяет, что такая деятельность осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению [6].

Деятельность по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, представляет собой не что иное, как профилактическую деятельность. Следует отметить, что профилактическая работа осуществляется органами прокуратуры

не только в рамках координационной деятельности, но и в ходе осуществления иных своих функций. Можно выделить некоторые из них. Так, в ходе осуществления прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, сотрудники прокуратуры могут выявлять недостатки в их деятельности, способствующие совершению преступлений, принимают меры по их устранению, осуществляя тем самым ярко выраженные профилактические функции. Надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и применяющих назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу также имеет ярко выраженную профилактическую функцию.

Профилактическая направленность характерна и для всех иных видов прокурорского надзора – надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Как справедливо отмечает А.В. Паламарчук, нередко именно полномочия прокурора, реализуемые вне уголовно-правовой сферы, имеют мощный профилактический эффект в борьбе с уголовно наказуемыми деяниями [7, с. 3].

При исполнении иных функций, в частности ненадзорных, например, в ходе участия в рассмотрении дел судами, поддержании государственного обвинения прокуроры могут и должны выявлять причины и условия правонарушений, прежде всего преступлений, и принимать меры к их устранению.

Ярко выраженную профилактическую направленность несет деятельность прокуратуры по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. При выявлении в ходе указанной экспертизы в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов прокурор вносит в орган, организацию или должностному лицу, которые издали этот акт, требование о его изменении с предложением способа устранения выявленных коррупциогенных факторов (иными словами, причин и условий правонарушений) либо сам обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством.

Можно определить и другие направления профилактической деятельности органов прокуратуры, о которых нет упоминания в Законе о прокуратуре, но есть в иных нормативных правовых актах. Так, в соответствии со ст. 6 Закона об основах системы профилактики отмечается, что одним из основных ее направлений является повышение уровня правовой грамотности и развитие

правосознания граждан, в целях реализации которого осуществляется такая форма профилактического воздействия, как правовое просвещение и правовое информирование граждан. Согласно ст. 18 данного Закона правовое просвещение и правовое информирование граждан заключается в доведении до сведения граждан и организаций информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Указанная информация может доводиться до сведения граждан и организаций путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного и методического характера. И органы прокуратуры активно осуществляют деятельность по правовому просвещению и правовому информированию граждан. В Приказе Генпрокуратуры России «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» отмечается, что работу по правовому просвещению и правовому информированию необходимо организовать таким образом, чтобы она максимально отвечала задачам повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, оказания воспитательного воздействия в целях недопущения совершения правонарушений

или антиобщественного поведения. Генеральный прокурор требует рассматривать работу по правовому просвещению как неотъемлемую часть системы профилактики правонарушений [8]. Другими словами, правовое просвещение и правовое информирование представляет собой неотъемлемую часть возложенных на прокуроров обязанностей, а именно обязанностей по профилактике преступлений и иных правонарушений. А.И. Петров справедливо отмечает, что правовое просвещение необходимо рассматривать в качестве одного из эффективных средств профилактики правонарушений, способных положительно влиять на состояние законности и правопорядка, в том числе и на уровень преступности [9, с. 6].

Такая профилактика носит как общий, так и виктимологический характер. Например, информируя граждан и организации, прокуроры доводят до их сведения их права и законные интересы, определяют пути их защиты и реализации, освещают типичные недостатки в деятельности должностных лиц органов власти, коммерческих организаций, способствующие совершению преступлений. Информирова граждан о наиболее типичных способах совершения тех или иных преступлений, ухищрениях, приметах преступников, органы прокуратуры реализуют меры виктимологиче-

ской профилактики преступлений. И этот ряд профилактических функций органов прокуратуры можно продолжать.

В науке существуют разные точки зрения на вопрос о том, есть у прокуратуры профилактическая функция или же нет. Некоторые ученые считают, что такой функции нет, и ссылаются при этом на отсутствие в Законе о прокуратуре прямого указания на нее [10, с. 58], большинство все же справедливо отмечают, что она есть и активно осуществляется органами прокуратуры [11, с. 112].

Мы исходим из того, что определение наличия или отсутствия профилактической функции прокуратуры должно зависеть не от того, закреплена она в Законе о прокуратуре или нет, а от содержания тех или иных направлений деятельности прокуратуры, большинство из которых, как мы определи, носят ярко выраженную профилактическую направленность, и не только координационная деятельность.

Да, несомненно, в указанном Законе, как говорят некоторые авторы, целесообразно было бы закрепить данную функцию в качестве самостоятельной. Но хочется высказать

несколько принципиальных уточнений. Закрепляя в Законе о прокуратуре профилактическую функцию, мы обедняем сам закон и принижаем в целом предупредительные функции органов прокуратуры. Может получиться ситуация, как в свое время с Законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: приняв закон, регулирующий лишь одну из форм предупредительной деятельности, мы «забыли» о самом предупреждении преступности. Чтобы этого не повторилось, в Законе о прокуратуре необходимо закреплять не профилактическую, а предупредительную функцию прокуратуры, охватывающую все формы предупреждения преступности, а не только профилактику.

Безусловно, в рамках данной статьи рассмотрены далеко не все аспекты профилактической деятельности органов прокуратуры, а тем более самой профилактики преступлений, являющейся главной и важнейшей формой предупреждения преступности. Эта проблема, вне всякого сомнения, требует дальнейших криминологических и не только исследований.

Библиографический список

1. Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В. Основы криминологии и профилактики преступлений: учеб. пособие / под ред. А. Н. Варыгина. М., 2019. 165 с.

-
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. 366 с.
 3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Булакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб., 1999. 607 с.
 4. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня.
 5. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.)// СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5772.
 6. Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 31 декабря 2019 г.) (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // СЗ РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2020. № 1, ч. 1, ст. 7.
 7. Паламарчук А.В. Противодействие торговле людьми средствами прокурорского надзора // Законность. 2013. № 6. С. 3–9.
 8. Приказ Генпрокуратуры России от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» (в ред. от 31 августа 2023 г.) // Законность. 2008. № 10.
 9. Петров А.И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2019. 32 с.
 10. Воеводина Т.Г. Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 58–63.
 11. Писаревская Е.А. К вопросу об осуществлении органами прокуратуры Российской Федерации профилактической функции // Russian Journal of Criminal Law. 2021. № 18. С. 110–113.

О.А. Грачёва,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского
надзора и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии

Е.Г. Лиходаев,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского
надзора и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

75

На современном этапе назначение российской прокуратуры и ее деятельности заключается в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Задачи, стоящие перед прокуратурой как единой федеральной централизованной системой органов, являются неотъемлемой частью развития правового государства и защиты целостности страны. В числе приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры продолжают оставаться борьба с преступностью и коррупцией, защита прав и законных интересов граждан, обеспечение единства правового пространства страны.

Многие авторы нередко указывают на то, что задача прокуратуры состоит в принятии мер к устранению, нейтрализации условий, способствующих проявлению причин преступности [1].

Тот факт, что органы прокуратуры РФ выступают в качестве субъектов профилактики преступлений, подчеркивается и в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах систе-

мы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Следует отметить, что законодатель прямо закрепил в вышеуказанном Законе предупредительную функцию органов прокуратуры в данном направлении работы, которую, как видится, стоило бы отразить и в Законе о прокуратуре, являющемся основополагающим в регулировании вопросов организации и деятельности органов прокуратуры.

По мнению ряда исследователей, «отсутствие в Законе о прокуратуре, регламентирующем полномочия, организацию и порядок деятельности всей прокурорской системы, указания на полномочия прокурора по профилактике нарушений закона снижает эффективность работы на данном важнейшем направлении, вызывает массу вопросов» [1]. И с этим нельзя не согласиться, поскольку четкое определение в законодательстве данной работы органов прокуратуры, ее методов и принципов будет способствовать повышению качества предоставленных прокурору полномочий по предупреждению преступности.

Более того, в ведомственных организационно-распорядительных документах, в том числе уже утративших силу, указывается на то обстоятельство, что профилактика правонарушений и противоправ-

ных деяний, даже в отсутствие до недавнего времени ее прямого законодательного закрепления за прокуратурой, воспринимается как основополагающий компонент надзорной, координационной, правотворческой и иной деятельности прокуроров [2, с. 349].

Например, в п. 1 Приказа Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» среди основных направлений деятельности органов прокуратуры отдельно выделено такое приоритетное направление, как предупреждение преступных проявлений.

В настоящее время действует несколько ведомственных актов, регламентирующих деятельность прокуроров по противодействию преступности. Это приказы Генерального прокурора РФ от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции», от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности», от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» и др.

Кроме того, Приказ Генпрокуратуры России от 15 сентября 2021 г. № 532 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (вместе с Комплексным планом мероприятий по противодействию коррупции на 2021–2025 годы) ориентирует нижестоящих прокуроров «рассматривать коррупцию как одну из системных угроз безопасности Российской Федерации и принимать меры по ее профилактике, усилению борьбы с ней и ликвидации последствий коррупционных правонарушений, в том числе по возмещению причиненного такими правонарушениями ущерба, с учетом задач, определенных Национальным планом противодействия коррупции на 2021–2024 годы».

Так, в соответствии с Приказом Генерального прокурора РФ «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» Генеральный прокурор РФ ориентирует нижестоящих прокуроров «осуществлять защиту лиц, сообщающих о фактах коррупции, от преследования и ущемления их прав и законных интересов, оказание им необходимой правовой помощи в порядке, предусмотренном действующим законодательством и организационно-распорядительными доку-

ментами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также защиту имущественных прав граждан, организаций и государства в случае их нарушения в результате совершения коррупционных правонарушений. С целью получения данных о коррупционных правонарушениях, а также их предупреждения наладить и поддерживать взаимодействие с общественными объединениями, иными институтами гражданского общества, средствами массовой информации, субъектами предпринимательской деятельности, в том числе в области антикоррупционного просвещения».

Прокурорам к тому же надлежит проводить на системной основе мониторинг публикаций средств массовой информации с целью выявления сведений о коррупционных правонарушениях и преступлениях и рассмотрения вопроса об организации по ним проверочных мероприятий. Результаты мониторинга необходимо оформлять в виде справки.

Так, в 2019 г. для рассмотрения по существу в суд направлено 6 468 уголовных дел об 11 664 преступлениях. Среди преступлений, которые были инкриминированы фигурантам этих уголовных дел, преобладают дача и получение взятки, различные виды мошенничества, присвоение и растрата.

По указанным уголовным делам перед судом предстали 6 902 обвиняемых. В их числе 308 лиц, в отношении которых применялся особый порядок уголовного производства (50 адвокатов, 120 глав муниципальных образований, 6 судей и иные лица).

Если рассматривать практику непосредственно по регионам, то в 2020 г. судами Республики Коми рассмотрено 87 уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, что на 6 дел больше, чем в 2019 г. При этом число осужденных за коррупционные преступления сократилось с 94 до 69, т.е. на 26,6 %.

Структура должностного положения лиц, осужденных за коррупционные преступления, характеризуется следующими показателями. Чаще за коррупционные преступления в 2020 г. приговоры выносились в отношении руководителей и работников коммерческих организаций – 32 человека. Помимо этого, осуждены 7 сотрудников правоохранительных органов, 4 руководителя государственных (муниципальных) учреждений, 3 работника сферы здравоохранения, 2 – органов местного самоуправления и 1 – сферы образования.

Например, Сыктывкарским городским судом 14 октября 2020 г. за взяточничество и растрату в особо крупном размере, а также злоу-

потребление должностными полномочиями к десяти годам лишения свободы, штрафу в размере 6,1 млн рублей и лишению права занимать определенные должности сроком на три года осужден бывший первый заместитель руководителя администрации Корткеросского района. Как следует из приговора, за взятку в сумме 2 млн рублей он оказал содействие предпринимателю в заключении муниципального контракта на поставку мусоросортировочного комплекса твердых бытовых отходов для нужд района стоимостью 14,6 млн рублей, при этом по инициативе злоумышленника первоначальная стоимость контракта была увеличена на 1,6 млн рублей для обеспечения передачи ему взятки в вышеуказанном размере.

За совершенные преступления коррупционерам 53 раза назначалось наказание в виде лишения свободы, в том числе 22 раза реально, т.е. с отбыванием наказания в исправительном учреждении, и 31 раз условно. В 15 случаях основным наказанием являлся штраф, 1 раз – лишение права занимать определенные должности.

В качестве дополнительного наказания наиболее активно применялось лишение права занимать определенные должности – 24 раза, дополнительное наказание в виде штрафа назначено в 15 случаях.

Одно лицо лишено специального звания.

Максимальный срок лишения свободы, назначенный одному осужденному, составил 11 лет. Этому же лицу назначен и самый крупный штраф – 14 млн рублей [3].

Деятельность прокуратуры по предупреждению и противодействию преступности может осуществляться как в процессе прокурорского надзора, так и в ходе реализации ненадзорных функций органами прокуратуры.

Принято считать, что прокуратура является органом надзора и уголовного преследования. В каждом случае обнаружения признаков преступления на прокуроре (как и на следователе, органе дознания и дознавателе) лежит обязанность принимать предусмотренные УПК РФ меры по изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Именно в целях предупреждения, выявления

и устранения нарушений закона со стороны органов расследования прокурор вмешивается в их процессуальную деятельность, обеспечивая законность уголовного преследования и неотвратимость ответственности за совершенные преступления [4, с. 68; 5; 6, с. 8]. Назначение прокурора в осуществлении уголовного преследования лиц, совершивших преступление, должно оцениваться исключительно через призму обеспечения законности.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что прокуратура, являясь единой федеральной централизованной системой государственных органов, реализующей многогранный потенциал возложенных на нее функций, занимает особое место в механизме противодействия коррупционным преступным проявлениям в современной России.

Библиографический список

1. *Звирбуль В.К.* Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. Научные основы. М., 1971. 168 с.
2. *Винокуров А.Ю.* Проблемы классификации прокурорской деятельности // Избранные статьи: в 3 т. М., 2017. Т. 3. С. 347–355.
3. Прокуратура Республики Коми проанализировала судебную практику рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности за 2020 год. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/mass-media/news?item=58532641 (дата обращения: 01.05.2023).
4. *Баев О.Я.* Следователь как адресант прокурора; прокурор как адресат следователя и адресант суда // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2 (31). С. 61–68.

5. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 318 с.

6. Чурикова А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в досудебном производстве (российский опыт и международная практика): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 9–10.

З.Г. Пенжалиев,
преподаватель кафедры уголовного,
экологического права и криминологии
Саратовского национального
исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,
преподаватель кафедры
конституционного права
имени профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РОССИЙСКОЙ АРМИИ: НЕКОТОРЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Как известно, армия государства не может существовать отдельно от его политического строя, экономики и общества, поэтому в условиях обострения военно-политической обстановки в мире и ведущейся против России информационной войны особенно значимым является осмысление проблем взаимоотношений институтов формирующегося гражданского общества и Вооруженных сил. Такое осмысление требуется в силу того, что национальная безопасность, защищенность личности, общества и государства от военных опасностей и угроз и иные конституционно признанные ценности находятся в серьезной зависимости от военно-гражданских отношений.

Исторический опыт нашей страны показывает, что военно-гражданские отношения могут стать как источником военной мощи и могущества страны, так и причиной развала армии и государства. Отношение общества к армии определяется тем, насколько она служит его интересам, содействует всестороннему прогрессу [1].

Большую роль в повышении эффективности армии играет отношение к ней населения, что определяет востребованность профессии военнослужащего, количество призывников и их состояние. Следует отметить, что широко распространенная практика уклонения от призыва влечет за собой и недобор призывников, и снижение требований к призывникам, являющееся неофициальной практикой в ряде военкоматов.

Следовательно, от эффективности подготовки, уровня профессионализма и степени соответствия военнослужащих возложенной на них социальной роли во многом зависит способность общества к противодействию деструктивным социально-политическим процессам и защите конституционного строя страны.

Гражданское общество как народная служба публичной власти выступает не только «охранником», но и защитником конституционного строя, безопасности и благополучия граждан, способным не до-

пустить, а если нужно – устранить негативные последствия кризиса как со стороны государства, так и со стороны общества и личности. В самые ответственные моменты, когда нужно недвусмысленно отреагировать на важнейшие политические, экономические, правовые и иные проблемы, трансформация воли народа в политически значимые действия имеет решающее значение. Примером тому может служить состоявшееся в июле 2020 г. общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений, вносимых в Конституцию РФ. В случаях противостояний и разногласий воля большинства выступает в форме консенсусного права, которое выражает волю многонационального народа РФ к утверждению прав и свобод человека, гражданскому миру и согласию [2].

Проводя исследование в данной сфере, мы исходили из положения о том, что общественная структура характеризуется наличием большого числа функциональных связей и отношений и в этом смысле состояние армии представляет собой и результат совокупной ситуации, и один из факторов развития современного российского общества [3].

К числу факторов, определяющих влияние института армии на состояние общества, относятся [4]:

- содержание и уровень подготовки военнослужащих;

- характер взаимодействия военнослужащих, который определяет реализуемые в процессе него модели поведения, направленность социализационных процессов и общее отношение военнослужащих к собственной социальной группе и к гражданскому населению;

- уровень следования военнослужащих сложившейся системе социально-правовых норм;

- отражение воинской службы в общественном сознании.

В современной России взаимодействие гражданского общества и Вооруженных сил в основном строится на принципах и нормах, сложившихся еще в прошлом, что порождает ряд острых проблем и противоречий. Гражданское общество в силу определенных причин не имеет реального влияния на решения по вопросам военной политики и строительства Вооруженных сил, принимаемые на высшем уровне.

Несмотря на то, что государство в начале XXI столетия существенно изменило свою позицию к Вооруженным силам и положение человека в погонах стало значительно лучше, продолжает существовать достаточно много нерешенных проблем во взаимоотношениях армии и гражданского общества. Так, по-прежнему не решен спор о степени политического влияния государства на армию.

Выражение «Армия вне политики» не совсем соответствует современному состоянию Вооруженных сил. На данный момент отмечается довольно тесный контакт между Вооруженными силами и разного рода политическими организациями, научными и культурными объединениями граждан, а также СМИ, между тем Вооруженные Силы РФ не могут поддерживать какую-либо отдельную религию, нацию, политическую партию и т.д. Политические права военнослужащих ограничены в силу объективных причин. Так, в воинских частях запрещается создание политических организаций, проводящих агитацию в период парламентских и президентских выборных кампаний. Роль политических партий (кроме парламентских) как институтов гражданского общества в армии нередко является номинальной. Однако политическая практика показывает, что военные проблемы становятся объектом пристального внимания в период выборов. Различные партии, движения, политические лидеры склоняют военный электорат на свою сторону, предлагая пути армейского благоденствия, часто популистского характера. Чтобы этого избежать, необходимо формальное и фактическое выведение Вооруженных сил из сферы прямого влияния политических партий и движений.

Новое качество приобретают также взаимоотношения религии и Вооруженных Сил РФ. Стоит отметить, что проявление религиозной нетерпимости и ксенофобии в сфере военно-религиозных отношений может привести к нарастанию процессов расслоения воинских коллективов по мировоззренческим признакам, росту напряженности в отношениях между верующими и неверующими военнослужащими. Наличие в воинских подразделениях военнослужащих, которые отстаивают интересы отдельных общественных или религиозных организаций, может привести к столкновениям и непоправимым последствиям: армия может перестать быть управляемой.

В оценке взаимодействия РПЦ и Вооруженных Сил РФ господствуют субъективизм и комплиментарность. Опасными являются попытки религиозных объединений превратить Вооруженные силы в арену борьбы за приобщение военнослужащих, принадлежащих к другим религиозным конфессиям, к своей вере.

События на Кавказе, в Сирийской Арабской Республике показали, что сегодня религия активно используется экстремистскими и националистическими силами для достижения своих целей, выступает идеологическим обоснованием терроризма, вооруженных

конфликтов [1]. Все это требует совершенствования правового регулирования военно-религиозных отношений в России на уровне государства.

В целом же можно отметить, что, несмотря на имеющиеся проблемы, отношение современного российского общества к Вооруженным силам за последние годы значительно изменилось и находится на достаточно высоком уровне. В последние десятилетия произошли существенные изменения в социальной защите военнослужащих, определяемые проведением комплексной военной реформы. Вместе с тем, несмотря на положительную динамику повышения удовлетворенности военнослужащих социальными гарантиями, на практике остаются нерешенными ряд социальных проблем, в том числе недостаточное денежное довольствие, обеспечение вещевым имуществом, качество и доступность предоставляемых услуг в сфере медицины, культуры и досуга [5].

Изменение отношения к Вооруженным силам и военной службе также во многом определяется состоянием современной международной обстановки и авторитетом военно-политического руководства страны, хотя немаловажное значение имеет и изменение взглядов на персональный состав лиц, проходящих военную службу.

Проведенное исследование взаимодействия армии и общества позволяет сделать вывод, что в организации деятельности военнослужащих и противодействии разворачивающимся в армии деструктивным тенденциям имеются серьезные проблемы не только с точки зрения необходимости готовности государства к военно-политическим конфликтам, но и с позиции необходимости оптимизации социальных процессов в целом. В контексте достижения национальной безопасности и повышения обороноспособности государства последнее должно поддерживать такие общественные организации, которые своими целями ставят:

- 1) повышение уровня консолидации и сознательности общества;
- 2) повышение уровня патриотизма у населения;
- 3) привлечение молодежи к участию в социальных и культурных проектах (оказание помощи инвалидам, восстановление и поддержание в надлежащем виде окружающей среды и исторических памятников и др.);
- 4) повышение престижа Вооруженных сил у населения;
- 5) агитацию за здоровый образ жизни и поднятие морально-психологического уровня у населения;
- 6) создание качественного кадрового резерва для силовых структур государства.

Библиографический список

1. *Сокол Ф.Н.* Проблемы взаимоотношений гражданского общества и Вооруженных сил в современной России // Гражданский мир – гражданская война: осмысление и прогнозы: матер. междунар. науч. конф. СПб., 2018. С. 255–258.
2. *Позднякова Е.В.* Роль гражданского общества в административно-правовой трансформации управления защитой конституционного строя, безопасности и благополучия России // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 302–305.
3. *Иванова А.А.* Общественная опасность преступлений против военной службы: комплексный анализ содержания // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 10: в 2 ч. Тюмень, 2013. Ч. 1. С. 93–96.
4. *Гаглоева С.Л.* Вооруженные силы в современных условиях // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2019. Вып. 2. С. 104–107.
5. *Калинин М.А.* Факторы удовлетворенности системой социальной защиты военнослужащих // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2(50). С. 141–151.

И.В. Швецова,

старший преподаватель
кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

О КЛАССИФИКАЦИИ БЮДЖЕТНОГО КРЕДИТА

Правовые основы взаимодействия федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов, юридических лиц по вопросам, связанным с предоставлением, использованием и возвратом бюджетного кредита, закреплены нормами БК РФ. Особая значимость бюджетного кредита для публично-правового образования видится в низких ставках при возврате кредита и возможности реструктуризации задолженности.

Правовая природа бюджетного кредита обусловлена двумя ключевыми подходами – экономическим и правовым. Правовое содержание бюджетного кредита характеризуется наличием совокупности норм, регулирующих финансово-правовые отношения, образующиеся при предоставлении, использовании и возврате бюджетного кредита публично-правовому образованию и юридическому лицу.

Кредитование в течение большей части исторического развития осуществляли специальные органы – банки, и оно не являлось деятельностью, свойственной государству. Е.В. Покачалова отмечает, что «кредит, по апробированному мнению большинства финансоведов, входит в состав финансовой системы Российского государства в качестве самостоятельного звена. В связи с этим указанная сфера является приоритетной сферой регулирования российского финансового права» [1, с. 172]. Ее вывод лишь подтверждает особую значимость бюджетного кредита в государственной системе.

Правовая природа отношений по бюджетному кредитованию в юридической сфере понимается неоднозначно. Рядом авторов и судебной практикой поддерживается точка зрения о гражданско-правовом регулировании этих отношений [2, 3]. По мнению

А.В. Богдановой, правоотношения, возникающие в сфере бюджетного кредита, «по своей юридической природе являются бюджетно-правовыми, ведь предоставление бюджетных средств из одного бюджета другому бюджету есть не что иное, как их перераспределение в рамках бюджетной системы Российской Федерации» [4, с. 49]. В целом разделяя данную позицию, следует обратить внимание на точку зрения В.И. Панкратовой, согласно которой правоотношения, возникающие «при предоставлении бюджетного кредита на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов РФ (местных бюджетов), характеризуются императивным методом правового регулирования. Основанием возникновения является волеизъявление субъекта РФ (муниципального образования), а сторонами выступают Федеральное казначейство и органы государственной власти (местного самоуправления)» [5, с. 55], а также Министерство финансов РФ, финансовые органы субъекта РФ. Таким образом, бюджетный кредит служит инструментом решения публично-правовых задач государства, соответственно, особенности правового регулирования закреплены в законодательстве в сфере финансов.

Анализ проблем предоставления, использования и возврата бюджетного кредита и в современных

условиях не теряет своей актуальности, подтверждаемой проявляемым к ним интересом со стороны ученых-финансоведов, ведь стабильность бюджетов обеспечивает сбалансированность их показателей, а превышение расходов над доходами приводит к дефициту бюджета. В соответствующем законодательном акте (решении) [6, с. 94] устанавливаются источники финансирования дефицита бюджета, чтобы все предусмотренные расходы покрывались суммарным объемом доходов и поступлений из источников финансирования дефицита. Это является обязательным требованием при принятии бюджета с дефицитом.

Особую роль предоставление бюджетного кредита играет для субъектов РФ. Во многих регионах РФ существует необходимость замещения банковских кредитов бюджетными, что позволит тратить меньше средств на погашение основного долга [7].

Для эффективности использования бюджетных средств ранее была принята Программа повышения эффективности управления общественными финансами на период до 2018 г. [8]. Большинство регионов РФ и муниципальных образований были разработаны и приняты свои программы, учитывающие конкретную местность, на период до 2020 г. [9]. На сегодня

ня в действующей программе развития «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [10] определены принципы, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики регионального развития Российской Федерации. В частности, разработаны и реализуются ряд мероприятий, целью которых является систематизация структуры управления финансовыми ресурсами государственных и муниципальных образований, усиление функциональной эффективности бюджетных расходов, налаживание деятельности органов исполнительной власти и государственных (муниципальных) учреждений, модернизация бюджетного процесса посредством реализации программно-целевых методов управления [11, с. 37].

Исходя из анализа законодательства, представляется уместным выделить классификацию бюджетного кредита по следующим основаниям:

I. По цели предоставления:

- кредит на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов РФ (местных бюджетов);
- специальный казначейский кредит;
- кредит на опережающее финансирование;

- кредит для погашения долговых обязательств субъекта РФ (муниципального образования);

- кредит для целей, установленных в федеральном законе, законах субъектов РФ и нормативных правовых актах муниципальных образований о бюджете на соответствующий год и плановый период;

- кредит для финансового обеспечения реализации инфраструктурных проектов;

- кредит для закупки и доставки топлива, муки и других товаров за счет средств бюджетов РФ для территорий, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченным сроком завоза грузов;

- кредит для целей, определенных в программе внешних заимствований РФ.

II. В зависимости от статуса кредитора:

- кредит, предоставляемый Российской Федерацией;

- кредит, предоставляемый субъектом РФ;

- кредит, предоставляемый муниципальным образованием.

III. В зависимости от статуса заемщика:

- кредит, предоставляемый Российской Федерации;

- кредит, предоставляемый иностранному государству;

- кредит, предоставляемый иностранному юридическому лицу;

- кредит, предоставляемый субъекту РФ;
- кредит, предоставляемый муниципальному образованию;
- кредит, предоставляемый государственному внебюджетному фонду РФ;
- кредит, предоставляемый юридическому лицу (перечень которых закреплен законом).

Анализ публикаций в средствах массовой информации [12–17] свидетельствует о положительной оценке государственной политики, проводимой в направлении решения долговых проблем субъектов РФ и муниципальных образований, относящихся к предоставлению им бюджетных кредитов под минимальный процент, реструктуризации долгов и другим мерам. Это позволило существенно оживить финансирование значимых проектов на региональном и муниципальном уровне по сравнению с периодом трехлетней давности. Анализ законов субъектов РФ о бюджете, отражающих экономические процессы, происходящие в субъектах РФ, показывает, что, например, дефицит бюджета Саратовской области за последние четыре года увеличился (2020 г. – 2 980 317,6 тыс. рублей [18], а в 2023 г. – 10 339 434,9 тыс. рублей [19]). А вот дефицит бюджета Тамбовской области за последние четыре года уменьшился (в 2020 г.

– 2 450 000,0 тыс. рублей [20], а в 2023 г. – 1 534 000,0 тыс. рублей [21]). Бюджет Тверской области в 2020 г. был также дефицитным – 165 636,2 тыс. рублей [22], а в 2023 г. – 1 337 465,7 тыс. рублей [23]. В последние четыре года в бюджетной системе обозначенных областей наблюдается дефицит бюджета, т.е. законы о бюджете представленных регионов на 2023 г. принимались с дефицитом бюджета, одним из способов покрытия которого является кредит. В специальной и научной литературе проблематика государственного и муниципального долга рассматривается преимущественно с позиции констатации низкой эффективности бюджетной политики всех уровней в предыдущие годы. Получая все большую автономию и законодательно предоставляемую самостоятельность, местные органы власти сталкиваются с систематическим непокрытием бюджетных потребностей собственными доходами и с возрастающей зависимостью от различных форм дотационной помощи и поддержки бюджетами бюджетной системы других уровней.

Следует указать на то, что построение отношений между федеральным бюджетом и региональными бюджетами, а также между бюджетом субъекта РФ и муниципальными бюджетами характеризуется «ответ-

ственно» вышестоящего бюджета за сбалансированность нижестоящих бюджетов.

Характер заимствований Российской Федерации, служащих источником финансирования дефицита бюджета, носит противоречивый характер. Формулируются предложения относительно формирования долговой политики регионов и муниципальных образований. Особое значение для принятия решения о заимствовании имеет анализ и оценка «долгосрочной платежеспособности» региона (муниципального образования). Кредиты являются прекрасной возможностью для финансирования благ и услуг длительного пользования, в частности тех, которыми будут пользоваться и будущие поколения. Процесс определения приоритетов долговой политики выступает в качестве неотъемлемого элемента формирования бюджетной политики региона или муниципального образования. Однако следует отметить, что долговая политика администраций субъектов РФ и муниципалитетов малоэффективна.

Несмотря на отсутствие четкого нормативно-правового регулирования сроков предоставления, использования и возврата бюджетного кредита, необходимо указать временной диапазон каждого из видов кредита по срокам действия

по аналогии со сроками всех долговых обязательств, содержащихся в п. 3 ст. 98, п. 6 ст. 99, п. 4 ст. 100 БК РФ.

IV. По срокам действия:

- долгосрочный кредит (от пяти до тридцати лет включительно);
- среднесрочный кредит (от одного года до пяти лет);
- краткосрочный кредит (до одного года).

Например, относительно предоставления бюджетного кредита на пополнение остатка средств на едином счете бюджета (п. 2 ст. 93.6 БК РФ) выявлена возможность расширительного толкования положений о порядке исчисления срока предоставления бюджетного кредита. Из смысла ст. 2 и 3 БК РФ следует, что нормативное регулирование бюджетных отношений может осуществляться подзаконными правовыми актами в случаях, прямо предусмотренных БК РФ или федеральными законами, принятыми в соответствии с ним. Из этого вытекает, что подзаконное нормотворчество необходимо основывать на базовых положениях, закрепленных в БК РФ. В ст. 93.6 БК РФ, а также в иных статьях БК РФ отсутствуют положения относительно порядка исчисления сроков предоставления бюджетного кредита на пополнение остатка средств на едином счете бюджета. Согласно Приказу Минфина России

от 6 октября 2020 г. № 231н «О порядке заключения и форме договора о предоставлении субъекту Российской Федерации (муниципальному образованию) бюджетного кредита на пополнение остатка средств на едином счете бюджета» [24] (далее – Приказ Минфина № 231н), указанный срок исчисляется с момента фактического поступления денежных средств на счет заемщика. Это соответствует смыслу положений ст. 433, 224 ГК РФ. Однако возможность неоднозначного толкования положений перечисленных нормативных правовых актов существует, поскольку момент заключения договора о бюджетном кредите и момент фактического предоставления средств по нему не совпада-

ют. В условиях отсутствия в БК РФ базового регулирования возможно произвольное изменение начала исчисления срока действия договора о бюджетном кредите на пополнение остатка средств на едином счете, который закреплен Приказом Минфина № 231н.

Таким образом, представленная классификация видов бюджетного кредита показывает, что на сегодняшний день финансовая деятельность публично-правовых образований в сфере предоставления, использования и возврата бюджетного кредита сформирована и направлена на реализацию приоритетных публичных задач, стоящих перед Российской Федерацией.

Библиографический список

1. Покачалова Е.В. Публичный кредит и долг в системе финансового права как отрасли российского права // Право. Законодательство. Личность. 2008. № 4. С. 165–174.
2. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2006 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М., 2012.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Богданова А.В. К вопросу о месте государственного кредита в системе российского права // Реформы и право. 2014. № 1. С. 47–57.
5. Панкратова В.И. Эффективность применения единого казначейского счета бюджета при управлении финансовыми потоками // Публично-правовые исследования: электронный журнал. 2015. № 2. С. 50–65.
6. Правовое регулирование межбюджетных отношений в Российской Федерации: монография / А.В. Басов, А.А. Васильев, Н.В. Герасименко и др.; под ред. Г.В. Петрова. СПб., 2003. 835 с.

7. Раичев Д. Проблема роста // Российская газета. 2014. 1 июля.
8. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 2593-р «Об утверждении Программы повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года» // СЗ РФ. 2014. № 2, ч. 2, ст. 219.
9. Об утверждении муниципальной программы «Управление муниципальными финансами Никольского муниципального района на 2016–2020 годы». URL: <http://www.yandex.ru/clck/jsredir?bu=klm&from=yandex.ru> (дата обращения: 13.08.2023).
10. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 4, ст. 637.
11. Поветкина Н.А. Финансовая устойчивость Российской Федерации: правовая доктрина и практика обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 42 с.
12. Управление муниципальными финансами на 2015–2020 годы. URL: <http://www.izh.ru/i/info/20805.html> (дата обращения: 21.03.2023).
13. Субъективное вложение: куда регионы потратят инфраструктурные кредиты. URL: <http://www.iz.ru/1154950/dmitrii-grinkevich/subektivnoe-vlozhenie-kuda-regiony-potratyat-infrastrukturnye-kredity> (дата обращения: 21.03.2023).
14. Коллегия счетной палаты Ростовской области. URL: http://www.portalkso.ru/news/o-km-i-eam/207720/?sphrase_id=2726 (дата обращения: 21.03.2023).
15. Контрольно-счетная палата Костромской области. URL: http://www.portalkso.ru/news/o-km-i-eam/207751/?sphrase_id=2726 (дата обращения: 21.03.2023).
16. Реструктуризация коммерческих кредитов Удмуртии. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/> (дата обращения: 21.03.2023).
17. Обслуживание муниципального долга Краснодар. URL: <http://www.kuban.rbc.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
18. Закон Саратовской области от 26 ноября 2019 г. № 130-ЗСО «Об областном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // СЗ СО. 2019. № 14, ст. 2428–2926.
19. Закон Саратовской области от 30 ноября 2022 г. № 151-ЗСО «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (с изм. и доп. от 22 сентября 2023 г.) // Официальный сайт минфина Саратовской области. URL: <http://www.minfin.saratov.gov.ru> (дата обращения: 03.01.2023); СЗ СО. 2022. № 1.
20. Закон Тамбовской области от 20 декабря 2019 г. № 436-З «Об областном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (с изм. и доп. от 25 декабря 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2022); Тамбовская жизнь (специальный выпуск). 2020. № 97 (2140).
21. Закон Тамбовской области от 23 декабря 2022 г. № 206-З (с изм. и доп. от 21 сентября 2023 г.) «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.01.2023); Тамбовская жизнь (специальный выпуск). 2023. № 77/72 (27640).

22. Закон Тверской области от 30 декабря 2019 г. № 102-ЗО «Об областном бюджете Тверской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (с изм. и доп. от 1 октября 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2022); Тверские ведомости. 2020. окт., № 41.

23. Закон Тверской области от 29 декабря 2022 г. № 111-ЗО «Об областном бюджете Тверской области на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (с изм. и доп. от 25 июля 2023 г.) // Официальный сайт минфина Тверской области. URL: <http://www.tverfin.ru> (дата обращения: 03.01.2023); Тверские ведомости. 2023. № 29.

24. Приказ Министерства финансов РФ от 6 октября 2020 г. № 231н «О порядке заключения и форме договора о предоставлении субъекту Российской Федерации (муниципальному образованию) бюджетного кредита на пополнение остатка средств на едином счете бюджета» (с изм. и доп. от 20 января 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2023).

Т.А. Александрова,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

94

Межкультурной профессиональной коммуникации отводится особое место в современном пространстве. В мире, где глобализация обретает все большую значимость, взаимодействие между представителями различных культур и языковых групп становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Активное развитие науки и техники, интенсивный обмен научно-технической информацией, а также вовлечение ученых из разных стран в совместные исследования по перспективным научным направлениям способствуют осознанию важности эффективного диалога между специалистами.

Юриспруденция также активно участвует в этом процессе. Для развития экономического партнерства и культурного сотрудничества требуются правовая регламентация, профессиональная поддержка со стороны юристов, их участие в переговорах, деловых встречах и подготовке документации. В сфере юриспруденции точный и корректный перевод становится особенно важным, поскольку от него может зависеть судьба отдельных государств в определенные исторические периоды, не говоря уже о судьбах конкретных людей. Поэтому «качество юридического перевода

в значительной мере оказывает воздействие на эффективность правоприменительной деятельности, на особенности регулирования общественных отношений» [1, с. 7].

«Юридический язык как функциональная разновидность профессиональной деятельности людей является неотъемлемым звеном системы права с ее традициями, функциями, особенностями логического мышления и познания. В юридическом дискурсе отображаются специфичность данного правового пространства, своеобразие деловой коммуникации» [2, с. 750].

В процессе перевода всегда присутствуют два неразрывных, взаимосвязанных аспекта – язык и культура. Язык не только отражает культурную реальность, но и придает ей определенную форму. Следовательно, достижение более ясного перевода становится возможным при согласовании смысла лингвистического элемента с культурным контекстом.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, изучающие влияние культуры на язык, отмечают, что национально-культурная семантика проявляется в семантических аспектах, «...которые не прямо связаны с обозначением, но позволяют людям сохранять в памяти информацию о мире» [3, с. 27]. При взаимодействии с представителями различных культур возможны определенные

трудности, связанные с разнообразием культурных контекстов. Эти проблемы могут проявиться в недопонимании, наличии предвзятостей, а впоследствии – в возможном отчуждении, обиде или даже психосоциальной изоляции.

Изложенное позволяет утверждать, что переводчик – это по меньшей мере двуязычная личность, преодолевающая не только языковые барьеры, но и различия в культурном аспекте. Знание особенностей жизнедеятельности людей, принадлежащих к различным культурам, требует от переводчика помимо глубокого понимания языков создания мостов между культурами. Предполагается, что каждый язык формирует уникальное представление о мире. Так как разные страны имеют свои различные юридические системы, то и язык каждой нации содержит собственные юридические термины. Например, английский язык используется в юридических системах США и Великобритании, в то время как немецкий язык применяется в правовых системах ФРГ, Швейцарии и Австрии. Лингвистическая эквивалентность юридических понятий часто недостижима. В настоящее время для европейцев унифицирована «Хартия о правах человека», а для государств – членов Европейского сообщества – документы, положения и решения этой междуна-

родной организации. В результате в языках появляется ряд приближенных эквивалентов.

Однако не всегда легко найти эквивалент какому-либо устойчивому словосочетанию или термину. «Главным образом, проблемы у переводчика текста юридической направленности возникают из-за того, что в языке перевода отсутствуют словесные конструкции, которые достаточно точно могли бы описать термины исходного языка» [4, с. 27].

Зависимость текста от культурных особенностей, менталитета народа и сложившейся правовой системы может привести к ситуации, когда смысл текста в оригинальном языке не будет точно соответствовать смыслу в языке перевода, даже при буквальном переводе. Так, перевод словосочетания *Crime Index* на русский язык наглядно показывает различия в нормах уголовного правосудия между США и Россией. *Crime Index* – список из восьми наиболее тяжких преступлений, включающих четыре типа преступлений против личности (убийство, сексуальное нападение, грабеж, тяжкое хулиганство) и четыре типа преступлений против собственности (кража со взломом, воровство, угон автомобиля, поджог). При переводе юридических текстов у специалистов возникает, тем не менее, недоумение относительно того, почему преступления, считающиеся тяж-

кими согласно российскому законодательству, такие как похищение детей, все преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и противоправным применением оружия, не включаются в категорию так называемых индексных (наиболее тяжких) преступлений.

Привлекают внимание и юридические термины, не характерные для русскоязычной правовой практики, но вызывающие определенный интерес у специалистов в данной сфере. Иллюстрацией таких выражений служат словосочетания *plea/charge bargaining* и *plea bargain*, которые на русском языке означают «процесс судебных торгов». Данный перевод требует некоторого пояснения: это вид досудебных переговоров между судьей и адвокатами обвиняемого и потерпевшего. Переговоры касаются возможности получения обвиняемым более мягкого приговора в случае признания виновности в совершении преступления. Нередко при переводе данного выражения предлагается не вполне точный вариант – «мировое соглашение», который значительно ограничивает понимание американской юридической практики.

“*On the same day, pursuant to a plea bargain, defendant entered pleas of guilty to two counts of robbery and admitted the armed allegation*” (People v. Mancheno) [5]. В тот же день, в соответствии со сделкой

о признании вины, обвиняемый признал себя виновным по двум пунктам обвинения в ограблении и в вооруженном преступлении.

Необходимо также заострить внимание на вопросе перевода терминологических выражений и фразеологизмов, в которых явно присутствует культурологический аспект значения, например термина *Miranda rule/warning* («Правило Миранды») – право человека не давать показания в отсутствие адвоката. Для большинства американцев это выражение воспринимается как единое целое, и многие уже вряд ли помнят о судебном прецеденте 1966 г., когда Верховный суд штата Аризона отменил признания обвиняемого по имени Миранда, полученные им от полицейских в отсутствие адвоката. С тех пор в американской правовой практике «правило Миранды» широко распространено и не ассоциируется с конкретным судебным процессом. Как видим, перевод не ограничивается простой заменой языковых единиц. Он обладает способностью влиять на социальную направленность и межличностные отношения, формировать системно-ценностные и идеологические общности, менталитет, а также общественное сознание.

Иногда переводчики сталкиваются с определенными трудностями при передаче словосочетаний,

которые приобретают различные значения в зависимости от использования британского или американского варианта английского языка. В обоих вариантах английского языка существует выражение *Attorney General*, однако при переводе необходимо учитывать, какой именно вариант английского используется в конкретном контексте. В США должности генерального прокурора и министра юстиции объединены в одном лице, в то время как в Великобритании эти обязанности выполняют различные чиновники. Аналогичная ситуация существует и при переводе выражения *Solicitor General* (заместитель генерального прокурора / заместитель министра юстиции).

Таким образом, для поддержания относительного равновесия между смысловой, стилистической, функционально-коммуникативной информацией в оригинале и переводе требуется поиск эквивалентов, адекватных реалиям оригинала. Адекватность перевода юридического текста достигается только в том случае, если переводчик обладает глубоким пониманием юридической терминологии как на иностранном, так и на родном языке. В ходе перевода текста, связанного с юридической тематикой, важно помнить об этнокультурных различиях в правовых системах русскоязычных и англоязычных

стран, уделяя особое внимание сохранению семантико-структурной близости перевода к оригиналу. При переводе текстов юридической направленности необходимо не только принимать во внимание внешнее отражение содержания государственно-правовых явлений, но и достоверно передавать смысл

каждой категории, логически выстраивая контекст оригинала. При несоответствии сути и содержания смысловая нагрузка юридической терминологии будет утеряна и даст искаженное проецирование на социальную среду, для которой она и предназначена.

Библиографический список

1. *Александрова Т.А., Лазовская Н.В.* Применение лексико-семантических трансформаций при переводе юридических текстов с английского языка на русский // *Языки науки и профессиональная коммуникация.* 2022. № 1(6). С. 6–16.
2. *Александрова Т.А., Рудченко Т.Л.* Функционирование колоративной лексики в юридическом дискурсе (на материале английского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. № 3. С. 749–754.
3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура // *Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.* 4-е изд. М.: Русский язык, 1990.
4. *Алимов В.В.* Юридический перевод. М.: КомКнига, 2005. 160 с.
5. US Federal Case Law. URL: <https://law.justia.com/lawsearch?query=plea%20bargain> (дата обращения: 09.12.2023).

Е.А. Богачева,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕКРЕСТНОГО ДОПРОСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ СУБДИСКУРСЕ

Перекрестный допрос – самое редкое, самое полезное и самое трудное из всех достижений адвоката... Он всегда считался самым надежным испытанием и лучшей защитой, чем сама присяга.

Кокс

Юридические действия и правовые положения связаны с мыслями, публичными выступлениями и дебатами. С развитием юридической науки лингвисты придают все большее значение лингвистическим исследованиям в правовой сфере.

Судебный допрос является обязательным элементом судебного процесса как в континентальной, так и в англо-американской судебной системе. Именно в ходе судебного допроса участники процесса восстанавливают события, являющиеся предметом судебного разбирательства, и жанр допроса в огромной степени определяет дальнейшее развитие процесса и его результат. Допрос – сложный комплексный жанр, в котором несколько участников (адвокаты, свидетель, судья, присяжные) преследуют свои частные цели [1, с. 23].

По словам Ю. Мэйли и Р. Фэйи, существует метафора суда как словесной войны, в которой противоборствующие стороны пытаются победить друг друга, используя язык в качестве своего оружия [2, с. 3], и «в которой победит только одна сторона» [3, с. 190]. Среди многообразных обязанностей адвоката перекрестный допрос обычно считается наиболее трудоемкой частью. Великие юристы часто

терпели в этом прискорбные неудачи, в то время как успех увенчал усилия тех, кого в противном случае можно было бы считать представителями посредственной ступени в профессии. Тем не менее личный опыт и подражание другим профессионалам выступают самыми надежными средствами достижения ораторского искусства адвоката [4].

Перекрестный допрос – наиболее важная часть анализа судебного субдискурса. По различным методам исследования анализ судебного субдискурса можно разделить на четыре типа: риторика, социолингвистика, разговорный жанр и прагматика.

С точки зрения Н. Эдди, обычная стратегия перекрестного допроса заключается в выявлении несоответствий или противоречий в показаниях свидетеля с целью вызвать обоснованные сомнения у присяжных или судьи [5]. По словам Ф. Веллман, перекрестный допрос считается важным компонентом судебного разбирательства, поскольку он оказывает влияние на мнение судьи и присяжных [6].

Изучив труды Ф. Веллмана, заметим, что перекрестный допрос должен не только эффективно заставить свидетеля раскрыть правду, но и в большинстве случаев выявить путаницу в отношении таких фактов, как время, даты, люди, места, формулировки и т.д. [6]

Исследователь А. Джонсон отмечает, что «сложность и эффективность вопросов перекрестного допроса заключаются не только в их синтаксисе. Именно их прагматическая сила делает их могущественными [7, с. 22].

[...] эти лингвистически-тактические вопросы основаны на том факте, что беседа призвана «заставить свидетеля уступить» и сделать материал значимым для слушателя (присяжных) с точки зрения «демонстрации доказательств». Дж. Коттерилл обращает внимание на асимметричную «межличностную динамику взаимодействия в зале суда» посредством серии примеров, показывающих, как свидетели оспаривают актуальность вопроса, поставленного адвокатом [8, с. 353]. В своих работах Дж. Коттерилл показывает, что свидетели, которые сопротивляются агрессивным вопросам перекрестного допроса, классифицируют речевой акт как «бунт», так как от свидетелей требуют отвечать на вопросы, а не задавать их, чтобы отвечали им правдиво, без домыслов. В ее примерах судьи часто упрекают свидетелей в пренебрежении принципами, говоря им, что они должны отвечать на задаваемые вопросы или что они не могут задавать такие вопросы [8, с. 366–368]. Вопросы при перекрестном допросе выполняют важную интерактивную работу, в основе которой лежит институциональная

форма социального контроля. Адвокату следует заранее подумать, проводить ли перекрестный допрос, будут ли прямые показания достаточно разрушительными и может ли перекрестный допрос исправить ситуацию, не усугубляя ее? Перечислим девять основных принципов, которые помогут провести перекрестный допрос кратко и эффективно.

Первый принцип: будьте полностью подготовленными.

Хороший перекрестный допрос начинается с хорошо подготовленного адвоката [9, с. 49]. Рекомендуется заранее подготовить заключительную аргументацию и «работать в обратном направлении». Необходимо выяснить, как достичь цели – убедить судью принять версию дела, выдвинутую адвокатом. Адвокат должен приступать к перекрестному допросу только в том случае, если это требуется для подтверждения версии по делу [9, с. 71–72]. Принимая во внимание роль перекрестного допроса как инструмента выявления теории судебного дела и его риски, связанные с допросом свидетеля, допрос необходимо остановить. Если адвокат может получить аналогичную доказательственную поддержку с помощью других методов, таких как вещественные доказательства письменных показаний свидетелей, ему также следует избегать перекрестного допроса [9, с. 74].

Если адвокат принимает решение провести перекрестный допрос свидетеля, то он должен рассматривать каждого свидетеля как «часть пазла», задавать правильные вопросы в количестве, необходимом для достижения цели в отношении конкретного свидетеля. Общее правило постановки правильного вопроса состоит в том, чтобы знать ответ до того, как задавать вопрос. Предлагается также определить безопасный заключительный вопрос для свидетеля, а затем безопасный первоначальный вопрос, который даст адвокату основу для перекрестного допроса [9, с. 75–77].

Второй принцип: будьте краткими.

Придерживаясь идеи о том, что каждый свидетель – часть большого «пазла», рекомендуется обозначить максимум три основных пункта в ходе перекрестного допроса. Приведем причины, по которым перекрестные допросы должны быть краткими.

1) чем дольше вы тратите время на перекрестный допрос, тем больше вероятность того, что что-то пойдет не так, свидетель скажет то, что может навредить делу вашего клиента;

2) краткий, лаконичный и целенаправленный перекрестный допрос имеет гораздо больше шансов убедить судью в том или ином вопросе;

3) в международном арбитраже судьи обычно хорошо знакомы с соответствующими фактами спора, существует опасность того, что судья может потерять интерес к перекрестному допросу;

4) есть риск того, что судья по-считает, что вы зря тратите свое время и в результате не только потеряет интерес, но и поставит вас в невыгодное положение [9, с. 84].

Таким образом, адвокатам следует проводить перекрестный допрос свидетеля только в случае необходимости и не позволять своим подзащитным настаивать на дополнительных допросах.

Третий принцип: используйте только наводящие вопросы. Такие вопросы имеют смысл в контексте перекрестного допроса, поскольку не позволяют получить новую информацию. Адвокат должен быть полностью подготовлен и знать, о чем будет говорить свидетель. Правильный наводящий вопрос вызовет ответ «да» или «нет» и не побудит свидетеля изложить свою собственную историю [9, с. 91].

Четвертый принцип: используйте короткие, простые и недвусмысленные вопросы. Они позволят адвокату лучше контролировать свидетеля и затруднят свидетеля уклончиво отвечать на вопросы.

Исследователи К. Хоברי и Х. Зусман в качестве эмпирического правила предлагают использовать

вопросы, состоящие максимум из двадцати пяти слов и касающиеся только одного факта. Отсутствие простоты создает множество потенциальных проблем во время перекрестного допроса:

- свидетель может не понять вопрос и попросить повторить его;

- свидетель может вычленив часть вопроса и использовать ее, чтобы начать речь о том, что вы не хотите услышать или чтобы ульшали арбитры;

- свидетель может попытаться вовлечь вас в дискуссию о значении вашего вопроса [9, с. 93–94].

Любая из перечисленных проблем может привести к тому, что адвокат потеряет контроль над свидетелем и над перекрестным допросом.

Пятый принцип: вслушивайтесь в ответ, эффективный перекрестный допрос – это не только правильные вопросы, но и внимательное выслушивание ответа свидетеля и понимание «значения того, что говорит свидетель». Необходимо убедиться, что свидетель фактически ответил на вопрос, и определить, требует ли ответ изменения курса в направлении перекрестного допроса. Существует четыре категории ответов: а) простое «да»; б) нечто большее, чем «да»; в) честный свидетель, который не отвечает; г) «свидетель, который не может ответить» [9, с. 98–99].

Первая категория ответов требует пристального внимания, т.к. манера, в которой свидетель дал простой ответ «да», может быть показательной. Категории «не ответ» приводит к еще более сложному анализу свидетеля и его мотиваций. Как отмечают авторы: понимание того, почему свидетель не ответил, также даст некоторое представление о том, с какими опасностями можно столкнуться в ходе допроса. Если адвокат считает, что свидетель был честен и просто не ответил на вопрос, то ответ относится к третьей категории. Хорошей проверкой является повторение вопроса. Если свидетель отвечает правильно, значит, мнение адвоката было верным; однако если свидетель по-прежнему не может ответить на вопрос, то адвокат может быть «достаточно уверен... что свидетель не желает сотрудничать, и поэтому подход к свидетелю следует изменить». Уклончивый, отказывающийся сотрудничать свидетель попадает в четвертую категорию, поскольку судьи увидят неоднократные уклонения от ответа и могут использовать это как основание для дискредитации свидетеля [9, с. 104–106].

Шестой принцип: не спрашивайте об окончательном решении суда.

Во время перекрестного допроса адвокат должен быть осторожен

и не просить свидетеля согласиться с уже аргументированными выводами суда. Цель перекрестного допроса, как указано выше, состоит в том, чтобы «уменьшить неблагоприятное воздействие показаний свидетеля на вашего подзащитного». Такие действия побудят свидетеля рассказать больше, что может привести к даче показаний, которые адвокат не планировал [9, с. 109].

При перекрестном допросе задается эффективная серия вопросов, которая может заставить свидетеля признаться в написании, чтении и подписании необходимого документа. Адвокат должен понимать, когда следует остановиться, чего он хочет добиться в ходе перекрестного допроса (заключительного вопроса) или остановки, когда он уже «добился значительного успеха».

Седьмой принцип: не позволяйте свидетелю повторять его показания при повторном прямом (главном) допросе.

Наиболее эффективный способ свести к минимуму риск повторения свидетелем своих прямых показаний – использовать «короткие, простые, недвусмысленные наводящие вопросы, ограниченные одним простым фактом, [который] потребует простых ответов и будет способствовать к ограничению возможности свидетеля повторять что-то из прямых показаний». Повторы могут иметь место, в таком случае

рекомендуется игнорировать повторные показания и продолжать линию вопросов [9, с. 116–117].

Наиболее распространенный случай, когда адвокат может потребовать, чтобы свидетель повторил прямые показания – это ситуация, когда свидетель делает заявление, не соответствующее предыдущему заявлению, сделанному свидетелем. Эффективный перекрестный допрос может использовать противоречивое заявление с двумя возможными целями: атаковать и подорвать доверие к свидетелю или дать понять, что судьи должны принимать за истину противоречивое заявление, а не прямые показания [9, с. 120–121].

Восьмой принцип: не позволяйте свидетелю объясняться, т.к. адвокат, проводящий перекрестный допрос, должен постоянно контролировать свидетеля, что включает в себя предотвращение объяснения свидетелем тех или иных ответов или вопросов со стороны свидетеля. Вместе с тем адвокат не должен препятствовать произнесению речи свидетелем, если тот полон решимости.

Девятый принцип: проявляйте самоконтроль. Лучшие специалисты по перекрестному допросу не только сохраняют контроль над свидетелем, но и практикуют самоконтроль. Когда адвокат теряет самообладание, свидетель получа-

ет свободу говорить все, что хочет, тем самым подрывая убедительность адвоката. Стороны перекрестного допроса всегда должны быть осторожны, чтобы не спорить со свидетелем и не злиться на него. Адвокат должен «восприниматься как заслуживающий доверия, и если [он хочет] выполнять свою работу настолько хорошо, насколько это возможно для [своего] подзащитного, то такое поведение будет способствовать – даже будет существенным – для того, чтобы [его] воспринимали». Адвокат, потерявший всякое самообладание, может проиграть свое дело [9, с. 130–132].

Таким образом, мы можем полагать, что в некоторой степени вышеперечисленные девять принципов дополняют друг друга, начиная с необходимости тщательной подготовки и заканчивая формой задаваемых вопросов, тем, как оценить ответ свидетеля и как удержать свидетеля от повествования.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что язык – это средство конструктивного и деструктивного механизма, используемое пользователями для достижения поставленных целей. В результате некоторые адвокаты в процессах перекрестного допроса могут использовать некорректные выражения в отношении свидетелей, не понимая, что у каждого человека есть достоин-

ство, которое не следует ущемлять в суде. Юристам следует помнить об этом и не превращать процесс

в словесные оскорбления и угрозы, а придерживаться этики публичных выступлений.

Библиографический список

1. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М., 2010. 351 с.
2. Мэйли Ю., Фэйи Р. Представление доказательств: конструкции реальности в суде // Международный журнал семиотики права. 1991. № 4(10). С. 3–17.
3. Данет Б. Язык и построение реальности в судебном процессе по делу о непредумышленном убийстве // Семиотика. 1980. Вып. 32(3-4). С. 187–220.
4. Гилдин Гэри С. Перекрестный допрос в суде: стратегии дачи показаний // Судебный адвокат. 2012. № 9. С. 471–494.
5. Н. Эдди В. Вопрос интерпретации // Труды десятой конференции Международной ассоциации судебных лингвистов. Великобритания, 2010.
6. Веллман Ф. Искусство перекрестного допроса: перекрестный допрос важных свидетелей в известных делах. Нью-Йорк, 2001. 296 с.
7. Джонсон Элисон Дж. Прагматическое значение вопросов, заданных с таким предисловием, на официальных допросах в полиции // Язык в судебном процессе. Бейзингсток, 2002. 110 с.
8. Коттерилл Дж. Межличностные проблемы в суде: бунт, сопротивление и другие способы неподобающего поведения // Межличностная прагматика. Берлин, 2010. С. 353–379.
9. Хобер К., Зуссман Х.С. Перекрестный допрос в международном арбитраже. Оксфорд, 2014. 176 с.

Л.К. Мальцева,

обучающаяся 5-го курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ

106

Право на образование является одним из важнейших конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации. Конституция РФ в ст. 43 провозглашает гарантии общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях [1]. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2] регулирует общественные отношения, которые возникают в связи с реализацией человеком и гражданином своего права на образование, определяя экономические, организационные и правовые основы образования.

Несмотря на то, что государством создается значительный круг правовых актов для реализации гражданином своего права на образование, все чаще выявляются факты нарушений законодательства в этой сфере. Государство в рамках реализации публично-правового механизма защиты права граждан на образование [3, с. 203] всецело осуществляет защиту данного права через деятельность контролирующих и надзорных органов, в частности органов прокуратуры.

В связи с этим одним из важнейших вопросов в рассматриваемой теме является разграничение полномочий органов прокуратуры РФ и контролирующих органов в сфере образования. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4] прямо указывает на запрет подмены прокуратурой РФ деятельности иных государственных органов.

Органам государственной власти субъекта РФ согласно ст. 7 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» переданы полномочия РФ по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования в отношении организаций, осуществляющих образовательную деятельность, зарегистрированных на территории соответствующего субъекта РФ.

Предметом федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования является:

1. Соблюдение обязательных требований, установленных законодательством об образовании (лицензионные требования к образовательной деятельности и федерального государственного образовательного стандарта и требования к выполнению аккредитационных показателей).

2. Соблюдение требований по обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг.

Предметом прокурорского надзора в сфере образования (на уровне субъектов РФ) является соблюдение Конституции РФ, исполнение законов в сфере образования:

1. Исполнительными органами субъектов РФ.

2. Органами местного самоуправления.

3. Органами контроля, их должностными лицами.

4. Организациями, осуществляющими образовательные услуги, в том числе субъектами предпринимательской деятельности.

Из этого следует, что при проведении проверки прокурором оценивается исполнение всего комплекса законодательства в сфере образования. В данном случае складывается ситуация, когда деятельность кон-

трольно-надзорных органов субъекта в сфере образования охватывается предметом прокурорского надзора. Органы прокуратуры должны, с одной стороны, не подменять функции данного контролирующего органа, а с другой – исключить ситуации, при которых могли бы остаться не охваченными какие-либо участки работы в этой сфере.

В связи с этим необходимо определить соотношение полномочий прокурора и работников контрольно-надзорных органов субъекта РФ в сфере образования. Органы прокуратуры свою надзорную функцию осуществляют на основании Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а государственные органы субъектов РФ в сфере образования в связи с переданными полномочиями на основании Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Следовательно, на них распространяются требования, предъявляемые к осуществлению проверочных мероприятий, проводимых Рособрнадзором.

Согласно п. 11(4) Постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 [5] в планы проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий до 2030 г. не включаются контрольные (надзорные) мероприятия в отношении

государственных и муниципальных учреждений дошкольного и начального общего образования, основного общего и среднего общего образования, объекты контроля которых отнесены к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска. Следует отметить, что положения вышеуказанного правового акта не распространяются на надзорную деятельность органов прокуратуры РФ в связи с тем, что действие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» не распространяются на органы прокуратуры. Таким образом, некоторые образовательные организации не будут являться объектами надзора контролирующего органа субъекта РФ в сфере образования. В данном случае это может привести к ситуации запущенности состояния законности, возможны пробелы в осуществлении контроля (надзора).

Именно поэтому прокурору необходимо осуществлять свои полномочия для так называемой правомерной подмены деятельности контролирующего органа в сфере образования, а именно в случаях:

- злоупотребления контролирующими органами своими полномочиями;
- крайней запущенности ситуации с состоянием законности

на конкретной территории или объекте вследствие ненадлежащего контроля государственных органов;

▪ установления фактов нарушения закона, которые были предметом рассмотрения контролирующих органов, но им не была дана соответствующая оценка.

Приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 [6] в п. 6 указывает, что проверки возможно проводить только на основании поступившей в органы прокуратуры информации (обращений граждан, должностных лиц, сообщений средств массовой информации и т.п.), а также других материалов о допущенных правонарушениях, требующих использования прокурорских полномочий, в первую очередь для защиты общезначимых или государственных интересов, прав и законных интересов групп населения. При получении информации о нарушении образовательных прав прокуратуре необходимо устанавливать, в том числе:

1. Известно ли контролирующему органу о совершенном правонарушении.

2. Предпринимались ли в связи с этим какие-либо контрольно-надзорные мероприятия. В частности, потребовать предоставить информацию об их результатах.

Однако в вопросе проведения прокуратурой проверок соблюдения законодательства в сфере образо-

вания существуют определенные сложности, а именно при проверке соблюдения требований Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС).

Во-первых, вопрос целесообразности включения в предмет проверки соблюдение требований ФГОС. Как отмечают О.Н. Коршунова и В.В. Омелянович: «часто у прокурорских работников при осуществлении надзора за исполнением законов в рассматриваемой сфере возникает сомнение в целесообразности и допустимости включения в предмет прокурорской проверки вопросов, касающихся исполнения вузами законов (отдельных норм), связанных с регулированием учебной составляющей деятельности» [7, с. 123]. Таким образом, возникают трудности при определении предмета проверки, и, как правило, надзорные мероприятия в данной сфере включают в себя лишь установление факта наличия лицензии на осуществление образовательной деятельности, свидетельства о государственной аккредитации.

Во-вторых, прокурорские работники не обладают соответствующими знаниями в данной сфере. Сфера образования является специфичным видом деятельности, который включает в себя комплекс различных требований, в связи с этим проверка обеспечения требований ФГОС без соответствующего навыка работы

является весьма затруднительной. Поэтому либо сам прокурорский работник должен обладать соответствующей компетенцией в рассматриваемой сфере, либо необходимо привлекать к участию в проведении проверки специалиста. От участия специалиста зависит эффективность проведенной проверки в данной сфере. Как отмечает В.В. Омелянович: «При определении круга лиц, из которых следует выбирать кандидата в специалисты по линии учебной работы, рекомендуется рассматривать начальников учебных отделов (учебно-методических отделов), деканов факультетов, проректоров по учебной работе, чья де-

ятельность непосредственно связана с организацией образовательного процесса и обеспечением выполнения требований ФЗ «Об образовании (ФГОС ВО)» [8, с. 176].

Активному пресечению правонарушений в сфере образования способствует надлежащий сравнительный анализ полномочий органов прокуратуры и контролирующих органов. Своевременное выявление ненадлежащего осуществления ими своих полномочий позволит избежать подмены и эффективнее обеспечивать верховенство закона и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: текст с изм. и доп., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп. на 4 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Коршунова О.Н., Омелянович В.В., Тимошук К.И. Концептуальные основы государственно-правового механизма защиты прав граждан на образование в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 198–205.
4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп. на 24 июля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 26 июня 2021 г. № 997 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свободы человека и гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Коршунова О.Н., Омелянович В.В. О разграничении полномочий органов прокуратуры и Рособнадзора при проверке исполнения вузами законодательства об образовании // Криминалист. 2022. № 4(41). С. 121–127.

8. *Омельянович В.В.* Актуальные вопросы привлечения специалиста к проведению прокурорской проверки исполнения требований законов образовательными организациями высшего образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 1. С. 174–178.

Аннотации | Abstracts

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

СОВРЕМЕННАЯ АНТИЭКСТРЕМИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Блинов Александр Георгиевич

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Реализуемая государством антиэкстремистская политика сегодня находится на пике актуальности. Напряженность в отношениях с недружественными странами детерминирует распространение в социуме радикальных настроений, которые нередко трансформируются в разрушительные для институтов публичной власти установки. Реагируя на них, государство претворяет в жизнь политику по нивелированию очагов социальной напряженности с помощью управленческих, идеологических и юридических средств. Как показывает практика, некоторые граждане не склонны рассматривать уголовное законодательство в качестве эффективного инструмента, способного сдерживать их от совершения деструктивных поступков. Учитывая данное обстоятельство, органы государственной власти и местного самоуправления прибегают к иным мерам, нацеленным на консолидацию гражданского общества, исключая дискриминацию на этноконфессиональной почве.

Ключевые слова: предупреждение преступности, преступления экстремистской направленности, профилактика экстремизма, этноконфессиональные конфликты.

MODERN ANTI-EXTREMIST POLICY OF THE STATE AND ITS IMPLEMENTATION IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Blinov Alexander Georgievich

*Doctor of Law, Professor, Head of Department of Criminal and Criminal
Enforcement Law of the Saratov State Law Academy*

Abstract. Today the anti-extremist policy implemented by the state is at the peak of its relevance. The strain with unfriendly countries determine the spread of radical attitude in society, which often transform such destructive attitudes for the institutions of public power. In response to them, the state implements a policy to level out hotbeds of social tension with the help of regulatory, ideological and legal means. Experience has proven that, some citizens are indisposed to consider criminal law as an effective

tool that can restrain them from committing destructive acts. Taking into account this circumstance, state authorities and local governments are resorting to other measures aimed at consolidating civil society, excluding discrimination on ethno-confessional grounds.

Keywords: crime prevention, crimes of extremism, prevention of extremism, ethno-confessional conflicts.

**БЮРОКРАТИЯ КАК ОБЪЕКТ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Бытко Сергей Юрьевич

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Бюрократия является неотъемлемым элементом системы государственного управления. Однако недостатки в организации управленческой деятельности, ее бюрократизация могут причинять вред не только качеству управления, но и выступать в качестве самостоятельных криминогенных факторов как должностных, так и общеуголовных преступлений. Выявление и систематизация таких факторов позволяют сформировать системное представление о причинах должностных преступлений. Однако для этого процессы бюрократизации необходимо включить в систему объектов криминологического изучения.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократизация, причины преступности, должностные преступления.

BUREAUCRACY AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Bytko Sergey Yurievich

*Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology
of the Saratov State Law Academy*

Abstract. Bureaucracy is an integral element of the public administration system. However, shortcomings in the organization of management activities, its bureaucratization can harm not only the quality of management, but also act as independent criminogenic factors of both official and ordinary crimes. The identification and systematization of such factors allows us to form a systematic understanding of the causes of malfeasance. However, to do this, the processes of bureaucratization must be included in the system of objects of criminological study.

Keywords: bureaucracy, bureaucratization, causes of crime, official crimes.

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ
НЕГАТИВНОГО ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ**

Кобзева Елена Васильевна

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье раскрыта роль социального воспитания в предупреждении негативного девиантного поведения подростков. Основной акцент сделан на воспитательных функциях семьи и образовательных учреждений, необходимости обеспечения взаимодействия данных просоциальных институтов. Отмечается, что бреши в социализации подростка становятся факторами риска, препятствующими успешному формированию его личности, здоровой интеграции в общество, и требуют принятия профилактических и реабилитационных мер. Игнорирование этих факторов увеличивает вероятность саморазрушительного поведения подростка, совершения им безнравственных поступков либо противоправных, в том числе преступных, деяний.

Ключевые слова: негативное девиантное поведение подростков, преступления несовершеннолетних, предупреждение, семья, общество, просоциальное воспитание, диссоциальное воспитание.

THE ROLE OF SOCIAL EDUCATION IN PREVENTING NEGATIVE DEVIANT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Kobzeva Elena Vasilyevna

*Candidate of Law, Docent, Professor of the Department of Criminal
and Criminal Enforment Law of the Saratov State Law Academy*

Abstract. The article reveals the role of social education in preventing negative deviant behavior of adolescents. The main emphasis is placed on the educational functions of the family and educational institutions, the need to ensure the interaction of these prosocial institutions. It is noted that gaps in the socialization of a teenager become risk factors that prevent the successful formation of his personality, healthy integration into society, and require the adoption of preventive and rehabilitative measures. Ignoring these factors increases the likelihood of a teenager's self-destructive behavior, committing immoral acts or illegal, including criminal acts.

Keywords: negative deviant behavior of adolescents, juvenile delinquency, prevention, family, society, prosocial education, dissocial education.

ДЛЯЩЕЕСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ

Комягин Роман Александрович

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской
государственной юридической академии*

Леонов Николай Владимирович

*обучающийся 4-го курса Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В настоящем исследовании представлен анализ понятия, признаков и момента окончания длящегося преступления, а также авторское видение обозначенных вопросов. Несмотря на то, что указанный вид сложного единичного преступления получил официальное определение еще в Постановлении 23 Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» (в ред. от 14 марта 1963 г.), в науке уголовного права до настоящего времени не выработано единого подхода при решении обозначенных вопросов.

Настоящая работа предназначена научным и практическим работникам, обучающимся юридических вузов и всем интересующимся проблемами уголовно-правовой науки.

Ключевые слова: сложное единичное преступление; длящееся преступление; юридический момент окончания; фактический момент окончания.

CONTINUING CRIME: PROBLEMS OF DEFINING THE CONCEPT AND THE MOMENT OF COMPLETION

Komyagin Roman Alexandrovich

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal and Criminal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy

Leonov Nikolay Vladimirovich

4th year student at the Institute of Public Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy

Abstract. This study presents an analysis of the concept, signs and the moment of the end of a continuing crime, as well as the author's vision on the identified issues. Despite the fact that this type of complex single crime was officially defined in Resolution 23 of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated 03/04/1929 (ed. from 03/14/1963) «On the conditions for the application of prescription and amnesty to continuing and ongoing crimes,» the science of criminal law has not yet developed a unified approach to solving these issues.

This work is intended for researchers and practitioners, students of law schools and anyone interested in the problems of criminal law science.

Keywords: complex single crime; ongoing crime; legal moment of termination; actual moment of termination.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ

Кушхов Алан Аскерович

аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Публикация посвящена французскому опыту обеспечения безопасности электронной информации уголовно-правовыми средствами. Во французском законодательстве имеется большой перечень общественно опасных посягательств в сфере информационных технологий. Большинство из них криминализировано и на территории РФ. При этом российское право более кодифицировано, систематизировано, а санкции за рассматриваемые общественно опасные деяния в Российской Федерации чаще всего ниже, чем во Франции. В работе обращается внимание на крайне строгий подход французского законодателя к уголовно-правовой оценке распространения электронной информации, сопряженной с посягательствами на половую свободу и неприкосновенность.

Ключевые слова: электронная информация, преступления в сфере компьютерной информации, информационная безопасность, уголовное право Франции, киберпреступность.

**FOREIGN EXPERIENCE IN ENSURING THE SECURITY
OF ELECTRONIC INFORMATION BY CRIMINAL LEGAL MEANS
ON THE EXAMPLE OF FRANCE**

Kushkhov Alan Askerovich

*Postgraduate Student of the Department of Criminal
and Criminal-Executive Law of the Saratov State Law Academy*

Abstract. The publication is devoted to the French experience of ensuring the security of electronic information by criminal legal means. French legislation has a large list of socially dangerous encroachments in the field of information technology. Most of them are criminalized on the territory of the Russian Federation. At the same time, Russian law is more codified and systematized. At the same time, the sanctions for the socially dangerous acts under consideration are, most often, lower in the Russian Federation than in France. The paper draws attention to the extremely strict approach of the French legislator to the criminal legal assessment of the dissemination of electronic information associated with encroachments on sexual freedom and inviolability.

Keywords: electronic information, computer information crimes, information security, French criminal law, cybercrime.

**О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАУЧНЫХ
ДОСТИЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Лапунин Михаил Михайлович

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

Лапунина Евгения Владимировна

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой охраны интеллектуальных прав на селекционные достижения. Несмотря на необходимость обеспечения продовольственной безопасности России, в отечественном уголовном законе отсутствует специальная норма, охраняющая права на селекционные достижения. Однако УК РФ позволяет в ряде случаев привлекать подобных правонарушителей к ответственности при наличии в содеянном иных составов преступлений (в сфере экономической деятельности, против собственности или государственной власти, против порядка управления).

Ключевые слова: преступления в сфере интеллектуальной собственности, селекционные достижения, высокие технологии, плагиат, причинение имущественного ущерба.

**ON THE NEED FOR CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION
OF SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS IN THE FIELD OF AGRICULTURE**

Lapunin Mikhail Mikhailovich

*Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Criminal and Criminal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy*

Lapunina Evgeniya Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Criminal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article deals with the problems of criminal law protection of intellectual property rights for selection achievements. Despite the need to ensure Russia's food security, there is no special provision in the domestic criminal law protecting the rights to breeding achievements. However, the Criminal Code of the Russian Federation allows in some cases to bring such offenders to justice if there are other elements of crimes in the act (in the field of economic activity, against property or state power, against the order of management).

Keywords: crimes in the field of intellectual property, breeding achievements, high technologies, intellectual piracy, causing property damage.

**ИНСТИТУТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ:
ТУРЕЦКАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ****Насиров Немэт Интигам оглы**

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Уголовное право каждого государства обладает своей особенностью. Явно выраженное ее проявление наблюдается в построении образующих уголовный закон элементов, включая понятийно-категориальный аппарат. В аспекте изложенного представляет интерес сравнительный анализ уголовных законов России и отдельных иностранных государств на предмет выявления сходств, различий и приоритетов.

Настоящая статья посвящена изучению турецкой уголовно-правовой модели институтов преступления и наказания. В ней проанализированы образующие преступления признаки, основания наступления уголовной ответственности и формы ее реализации, порядок исполнения уголовных наказаний и виды освобождения от его отбывания. По результатам проведенного исследования автор подчеркивает преимущества отечественных уголовно-правовых моделей понятия преступления и системы наказаний.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, уголовный закон Турецкой Республики, преступление, уголовное наказание, меры безопасности.

**INSTITUTIONS OF CRIME AND PUNISHMENT:
TURKISH CRIMINAL LAW MODEL****Nasirov Nemet Intigam ogly**

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Criminal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy

Annotation. The criminal law of each State has its own peculiarity. Its pronounced manifestation is observed in the construction of the elements forming the criminal law, including the conceptual and categorical apparatus. In the aspect of the above, a comparative analysis of the criminal laws of Russia and individual foreign states is of interest in order to identify similarities, differences and priorities.

This article is devoted to the study of the Turkish criminal law model of institutions of crime and punishment. It analyzes the signs that form crimes, the grounds for the onset of criminal responsibility and the forms of its implementation, the procedure for the execution of criminal penalties and the types of exemption from serving it. Based on the results of the study, the author concludes about the advantages of criminal law models Russian of the concept of crime and the system of punishments.

Keywords: comparative jurisprudence, criminal law of the Republic of Turkey, crime, criminal punishment, security measures.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Пономаренко Елена Валерьевна

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии*

Богачева Валерия Павловна

*обучающаяся Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. Современный научно-технический прогресс, являющийся движущей силой четвертой промышленной революции, способен вывести человеческое общество на небывалый уровень развития, но он же таит в себе огромные риски, в том числе связанные с появлением новых способов совершения преступлений, в виде использования инновационных технологий. Это актуализирует необходимость выработки комплекса уголовно-правовых мер, направленных на охрану интересов личности, общества и государства от современных инновационных угроз.

Ключевые слова: промышленная революция, инновационные технологии, искусственный интеллект, научно-технический прогресс, сеть Интернет.

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ponomarenko Elena Valerievna

*Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Criminal and Criminal Enforcement Law of the Saratov State Law Academy*

Bogacheva Valeria Pavlovna

*Student of the Institute of Public Prosecutor's Office
of the Saratov State Law Academy*

Abstract. Modern scientific and technological progress is the driving force of the fourth industrial revolution and is capable of bringing human society to an unprecedented level of development, but it also poses huge risks, including those associated with the emergence of new methods of committing crimes, in the form of the use of innovative technologies. The foregoing actualizes the need to develop a set of criminal legal measures aimed at protecting the interests of the individual, society and the state from modern innovative threats.

Keywords: industrial revolution, innovative technologies, artificial intelligence, scientific and technological progress, Internet.

МЕТОДИКА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ

Севостьянов Роман Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Представленная статья является попыткой обобщить практику профилактической работы с несовершеннолетними, направленной на предупреждение совершения ими преступлений и административных правонарушений. В ней излагаются основные принципы и формы работы с подростками.

Ключевые слова: личность преступника, личность несовершеннолетнего правонарушителя, преступность, предупреждение преступности, профилактика девиантного поведения.

METHODS OF PREVENTIVE WORK WITH MINORS: PRINCIPLES AND FORMS

Sevostyanov Roman Alexandrovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. The presented article is an attempt to summarize the practice of preventive work with minors aimed at preventing them from committing crimes and administrative offenses. The article outlines the basic principles and forms of work with adolescents.

Keywords: criminal personality, juvenile delinquent personality, criminality, crime prevention, prevention of deviant behavior.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ КООРДИНАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Богатова Екатерина Владимировна

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В представленной статье рассматривается функция прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Анализируется практика реализации указанной функции. Отмечаются недостатки правового регулирования данной деятельности.

Ключевые слова: координация, функции прокуратуры, согласованность действий.

ON THE ISSUE OF EXPANDING THE COORDINATION FUNCTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Bogatova Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the function of the prosecutor's office in coordinating the activities of law enforcement agencies to combat crime. The practice of implementing this function is analyzed. There are shortcomings in the legal regulation of this activity.

Keywords: coordination, functions of the prosecutor's office, coordination of actions.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ: ЕСТЬ ЛИ ОНА?

Варьгин Александр Николаевич

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье рассматривается главная форма предупреждения преступности – профилактика преступлений. Определяется ее понятие, виды, недостатки правового регулирования. Непосредственно анализируются профилактические функции, присущие органам прокуратуры, формы и методы их реализации, точки зрения ученых относительно профилактической деятельности российской прокуратуры. Предлагается ряд мер правового характера в целях совершенствования профилактики преступлений, осуществляемой органами прокуратуры.

Ключевые слова: предупреждение преступности, профилактика преступлений, прокуратура, прокурорский надзор, профилактические функции органов прокуратуры.

THE PREVENTIVE FUNCTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE: IS IT THERE?

Varygin Alexander Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article considers the main form of crime prevention – crime prevention. Its concept, types, and disadvantages of legal regulation are determined. The preventive functions inherent in the prosecutor's office, the forms and methods of their implementation, and the point of view of scientists regarding the preventive activities of the Russian prosecutor's office are directly analyzed. A number of legal measures are proposed in order to improve crime prevention carried out by the Prosecutor's office.

Keywords: crime prevention; crime prevention; prosecutor's office; prosecutor's supervision; preventive functions of the prosecutor's office.

**НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Грачёва Ольга Алексеевна

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Лиходаев Евгений Геннадьевич

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические вопросы, связанные с деятельностью органов прокуратуры РФ по противодействию коррупционной преступности. На основе анализа действующего законодательства и материалов судебной и прокурорской практики сделаны выводы о месте прокуратуры в борьбе с коррупционной преступностью.

Ключевые слова: предупреждение преступности, прокуратура, коррупционная преступность, борьба с преступностью.

**AREAS OF ACTIVITY OF THE RUSSIAN PROSECUTOR'S OFFICE
TO PREVENT CORRUPTION CRIME**

Gracheva Olga Alekseevna

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision
and Criminology of the Saratov State Law Academy*

Likhodaev Evgeniy Gennadievich

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision
and Criminology of the Saratov State Law Academy*

Abstract. the article analyzes theoretical and practical issues related to the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation in combating corruption crime. Based on an analysis of current legislation and materials from judicial and prosecutorial practice, conclusions were drawn about the place of the prosecutor's office in the fight against corruption crime.

Keywords: crime prevention, prosecutor's office, corruption crime, fight against crime.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РОССИЙСКОЙ АРМИИ: НЕКОТОРЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Пенжалиев Залумхан Гюлбалаевич

преподаватель кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы взаимодействия гражданского общества и российской армии по вопросам обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: Вооруженные силы, национальная безопасность, престиж Вооруженных сил, военная политика.

INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND THE RUSSIAN ARMY: SOME CONSTITUTIONAL, LEGAL AND POLITICAL PROBLEMS

Penzhaliev Zalumkhan Gyulbalaevich

Lecturer at the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, lecturer at the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses some problems of interaction between civil society and the Russian army on issues of ensuring national security.

Keywords: armed forces, national security, prestige of the armed forces, military policy.

О КЛАССИФИКАЦИИ БЮДЖЕТНОГО КРЕДИТА

Швецова Ирина Васильевна

старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В данной статье уделяется внимание выявлению классификации бюджетных кредитов по различным основаниям. На сегодняшний день это один из способов предоставления другим публично-правовым образованиям РФ бюджетных кредитов. Предоставление бюджетных кредитов публично-правовыми образованиями является перспективным и эффективным способом финансовой поддержки для бюджетов бюджетной системы. Следует отметить, что публично-правовое образование выступает как регулятор экономических отношений с помощью бюджетно-финансовых рычагов.

Ключевые слова: бюджет, бюджетный кредит, финансовые правоотношения, публично-правовые образования, классификация.

ABOUT THE CLASSIFICATION OF THE BUDGET LOAN

Shvetsova Irina Vasilyevna

Senior Lecturer at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Abstract. In this article, attention is paid to identifying the classification of budget loans on various grounds. To date, this is one of the ways to provide budget loans to other public legal entities of the Russian Federation. The provision of budget loans by public legal entities is a promising and effective way of financial support for the budgets of the budgetary system. It should be noted that public law education acts as a regulator of economic relations with the help of budgetary and financial levers.

Keywords: budget, budget credit, financial legal relations, public legal entities, classification.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Александрова Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена проблеме достижения переводческой эквивалентности при переводе юридических текстов. Рассматриваются основные аспекты взаимодействия языка, культуры и права. Юридический перевод анализируется, с одной стороны, как языковой контакт для адекватной передачи содержания с исходного языка на язык перевода, с другой – как противостояние культур, выраженных в этих языках.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурный, юридический перевод, эквивалентность, язык, реалии.

THE MAIN ASPECTS OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE TRANSLATION OF LEGAL TEXTS

Alexandrova Tatyana Anatolyevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the problem of achieving translation equivalence in the translation of legal texts. The main aspects of interaction of language, culture and law are considered. Legal translation is analyzed, on the one hand, as a language contact for the adequate transfer of content from the original language to the language of translation, on the other, as a confrontation of cultures expressed in these languages.

Keywords: communication, intercultural, legal translation, equivalence, language, realities.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕКРЕСТНОГО ДОПРОСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ СУБДИСКУРСЕ

Богачева Екатерина Александровна

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной юридической академии*

Аннотация. В статье изучается юридический процесс перекрестного допроса в зале суда, который в литературе считается враждебным и представляющим собой угрозу для участников судебного разбирательства. Рассматриваются основные девять принципов, которые помогут провести перекрестный допрос кратко и эффективно.

Ключевые слова: юридический дискурс, судебный субдискурс, участники судебного разбирательства, перекрестный допрос.

BASIC PRINCIPLES OF CROSS-EXAMINATION IN ENGLISH-LANGUAGE FORENSIC SUBDISCOURSE

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Foreign Languages
Department of the Saratov State Law Academy*

Abstract. This article examines the legal process of cross-examination in the courtroom, which is considered in the literature to be hostile and a threat to litigants. The study examines the basic nine principles that will help you conduct cross-examination concisely and effectively.

Keywords: legal discourse, judicial subdiscourse, participants in the trial, cross-examination.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Мальцева Лилия Константиновна

*обучающаяся 5-го курса Санкт-Петербургского юридического института
(филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы разграничения полномочий органов прокуратуры и контролирующих (надзорных) органов государственной власти субъекта в сфере образования. Отмечается важность привлечения специалиста к проведению проверки. Указаны условия «правомерной подмены» органами прокуратуры РФ контролирующих (надзорных) органов государственной власти субъекта РФ при осуществлении надзора в сфере образования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, образование, контролирующие органы, разграничение полномочий.

**ON THE DELIMITATION OF THE POWERS OF THE STATE AUTHORITIES
OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE FIELD OF EDUCATION AND THE PROSECUTOR'S OFFICE
OF THE RUSSIAN FEDERATION WHEN CHECKING THE IMPLEMENTATION
OF EDUCATIONAL LEGISLATION BY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS**

Maltseva Lilia Konstantinovna

*5th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the issues of differentiation of the powers of the prosecutor's office and the controlling (supervisory) state authorities of the subject in the field of education. The author noted the importance of attracting a specialist to conduct an inspection. The conditions of «lawful substitution» by the Prosecutor's Office of the Russian Federation of the controlling (supervisory) state authorities of the subject of the Russian Federation in the exercise of supervision in the field of education are specified.

Keywords: prosecutor's supervision, education, regulatory authorities, separation of powers.

